

Марк Леснев
Онейроз

https://litres.ru/74956387
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир, который человек привык считать единственной реальностью, может оказаться лишь частью гораздо более сложного устройства.

История Альта начинается как путешествие по пространствам, где привычные законы постепенно утрачивают силу. Но за чередой открытий, встреч и испытаний проступает нечто гораздо более древнее: следы исчезнувших цивилизаций, забытые замыслы могущественных существ и системы, способные влиять не только на устройство мира, но и на саму природу выбора.

Вместе с Неяи Альт пытается разобраться в происходящем, постепенно обнаруживая, что за видимой историей скрывается другая — уходящая корнями в эпохи, предшествовавшие известному мирозданию.

Это история о памяти и свободе воли, созидании и власти, о границах познания и цене собственного выбора. И о том, что самое важное открытие порой начинается там, где заканчиваются все привычные представления о реальности.

Марк Леснев
Онейроз

ОНЕЙРОЗ
Роман
МАРК ЛЕСНЕВ

Четыре Рыбки Наступления молча следили за колебаниями пространства.

До того мгновения, пока частотный всплеск не всколыхнул циклопический аквариум, сотканный из прозрачного эфира, чьих границ не смогло бы охватить ни одно смертное сознание.

Их плавники, обычно переливавшиеся алым шёлком ярости, одновременно вспыхнули незнакомым кодом.

Каждая чешуйка отозвалась светом.

Будто принимала сигнал, пришедший из такой глубины мироздания, куда ещё не проникала ни одна мысль.

Первая — Кхао, сине-золотая, — рванулась вперёд.

Пространственные линии над ней прогнулось, словно тонкая плёнка гигантского пузыря.

Вторая — Нган, кроваво-чёрная, — ударила хвостом.

По ткани реальности медленно поползли трещины.

За ними проступало нечто.

Что-то, чему ещё не существовало имени.

Третья — Пхи, изумрудная, с плавниками, напоминающими сложные инженерные схемы, — замерла.

А затем двинулась.

Слишком правильно.

Её путь повторял линии неизвестных уравнений.

Пузырьки вокруг застывали в невозможных геометрических фигурах.

Время возле неё складывалось, словно гармошка, выбрасывая в настоящее обрывки событий, которые уже исчезли... и одновременно ещё не произошли.

Четвёртая — Лей.

Белая.

Почти прозрачная.

Она не двигалась.

Только смотрела.

Потом внезапно заметалась.

И стала биться о невидимые стены аквариума.

С каждым ударом прозрачный кристалл отзывался всё громче.

Не звоном.

Предупреждением.

Словно древний шаманский бубен, натянутый между мирами.

Пространство дрогнуло сразу во всех измерениях.

Открылась ЧЁРНАЯ ДВЕРЬ.

В разлом был внесён спасительный яд.

Или губительное лекарство.

Теперь это уже было одним и тем же.

Реальность содрогнулась.

Не разорвалась.

Нет.

Лишь стала тоньше.

Настолько, что сквозь неё смогло пройти невозможное.

Так в мир вошла Дуальность.

Позже люди придумают для неё десятки объяснений.

Добро и зло.

Свет и тьма.

Бог и дьявол.

Но всё это будут лишь разные имена одной и той же трещины.

А вслед за ней появился Он.

Не чудовище.

Не бог.

Наш старый знакомый.

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ.

Спустя много лет Альт будет сидеть на своей кухне с кружкой кофе и неожиданно вспомнит этот невозможный аквариум.

Рыбок.

Чёрную Дверь.

И спросит себя:

— А ведь это было...

Или не было?

Ответа не последует.

Потому что граница между «было» и «не было» уже исчезнет.

Как пятно на диване.

Вывели.

А след остался.

Утро.

День начинался с привычки.

Почти ритуала.

Почти религии.

Так бывает в идеально настроенной системе под названием «Альт плюс Лола».

Или, если использовать официальный термин, — в браке.

Здесь действовали собственные законы мироздания с кодом 6:45.

Будильник звонил ровно в 6:45.

Лола, не открывая глаз, дважды нажимала «отключить», после чего медленно садилась на кровати — сонная, спокойная и абсолютно уверенная в своём праве занимать большую часть матраса, одеяла и прилегающей территории.

К этому моменту Альт уже успевал закончить утреннюю смену в должности верховного жреца культа под названием:

«Так завещали предки, мои сидхи и Лола».

Удивительный коктейль из семейных традиций, эзотерических рекомендаций, случайных советов и непререкаемого авторитета любимой женщины исправно работал много лет.

Во всяком случае, Альт предпочитал в это верить.

С чувством глубокого идиотизма он дважды пропел балконной вороне и ещё спящему микрорайону заклинание «иантруян».

Ворона на соседнем балконе выразительно вздрогнула.

Так выразительно, словно хотела сказать:
— Предупреждать же надо.
Но не улетела.

Видимо, привыкла.

Или сама переживала затяжной экзистенциальный кризис.

Как и Альт.

Вернувшись на кухню, он торжественно выпил стакан воды привычной температуры.

Потом — воду с мёдом.

Разумеется, привезённым из Казахстана.

Потому что обычный мёд, если верить Лоле, не обладал необходимой степенью космической значимости.

— Альт, в нём космос степных и горных пчёл.

Следом наступала очередь ежовика, витамина D3, омеги и прочих веществ, призванных превратить человека в улучшенную версию себя.

Иногда Альту казалось, что он участвует в особенно странной версии «Матрицы».

Только вместо красной таблетки ему ежедневно выдавали эти «плацебо-витаминки».

«Каблук...» — мелькнуло в голове.

Нет.

Даже не каблук.

Полноценный ботинок.

Оркский.

Со шнуровкой до колена.

Он представил себя несущимся на работу в подобных сапогах семейного счастья и едва не фыркнул в чашку.

«Это не каблук. Это осознанный выбор сильного, зрелого и уверенного в себе мужчины, который ценит гармонию в отношениях».

Звучало убедительно.

Почти.

С кружкой кофе в руках Альт подошёл к окну.

Во дворе Геннадий с философским спокойствием подметал уже чистый асфальт.

В тусклом свете фонаря происходящее удивительно напоминало перформанс современного искусства.

«Борьба с невидимым хаосом».

Или:

«Отчёт о проделанной работе для высших сил».

Альт чувствовал в Геннадии родственную душу.

Иногда ему даже казалось, что это единственный человек во всём микрорайоне, который не врёт.

Он не изображал полезность.

Не продавал успешность.

Не спасал человечество.

Не строил личный бренд.

Не рассказывал, как зарабатывать миллион в неделю, лёжа на диване.

Он просто подметал двор.

Причём двор, который чаще всего и без того был чист.

Метла казалась продолжением его рук.

Тишина — продолжением его мыслей.

А утренний воздух — естественной средой обитания.

Альт завидовал Геннадию.

Не сильно.

Но искренне.

Геннадий точно знал, зачем просыпается по утрам.

Альт тоже вроде бы знал.

Но стоило задуматься об этом всерьёз, как ответов становилось всё меньше, а вопросов — всё больше.

Потому что если однажды честно признаться себе в некоторых вещах, потом придётся что-то менять.

А менять жизнь после пятидесяти — всё равно что пересаживать старый дуб.

Технически возможно.

Практически больно.

И совершенно не факт, что приживётся.

Можно. А зачем?

Пока готовился очередной кофе, Альт, по привычке глядя в окно на медленно просыпающийся двор, размышлял о двух вещах.

Первая была простой.

Опять собирался дождь.

Вторая — значительно хуже.

Он поправился на четыре килограмма.

Мысль оказалась живучей.

Навязчивой.

Настырной.

И совершенно лишённой чувства такта.

— Это не я поправился, — убеждал себя Альт.

— Это загар.

Да.

Именно.

Масса загара.

Серьёзная масса качественного загара.

Я же не просто так десять дней лежал на пляже.

Логика выглядела шаткой.

Но несколько секунд держалась.

Перед глазами всплыл отпуск.

Ноа носилась вокруг бассейна с криками:

— Дедуля! Догони!

И каждый раз в организме Альта срабатывал древний аварийный протокол.

Разум немедленно сообщал:

«Не обязательно».

Колени голосовали против.

Поясница требовала проведения внеочередного заседания.

Лёгкие интересовались, нельзя ли обсудить этот вопрос немного позже.

Но где-то глубоко внутри существовал механизм, которому было абсолютно наплевать на мнение всех участников этого совещания.

Поэтому Альт вставал.

Бежал.

Пыхтел.

Догонял.

И позволял себя победить.

Потому что некоторые законы мироздания отменить невозможно.

Ноа визжала от восторга и закладывала очередной круг.

Наташа наблюдала за происходящим с той спокойной улыбкой человека, который давно понял устройство мира.

В её взгляде читалось древнейшее заклинание всех матерей:

«Я же мать».

Эта фраза не требовала слов.

Она существовала сама по себе.

Где-то между улыбкой, взглядом и едва заметным покачиванием головы.

Лола в то время занималась делом куда более ответственным.

Молча держала купол над этой женской вселенной, где Наташа упорно пыталась переупрямить Ноа, а Лола одним взглядом возвращала к реальности обеих.

Она превращалась в шоколадную статую.

Процесс требовал предельной концентрации.

Точного позиционирования относительно солнца.

Минимума движений.

И полного подавления любого желания пошевелиться.

Иногда Альту казалось, что загар для женщин — это отдельная духовная практика.

Нужно было лежать.

Не двигаться.

Не моргать без необходимости.

Не нарушать гармонию.

И главное — не поддаться чудовищному искушению проверить, не прилипла ли спина к полотенцу.

Потому что один неверный поворот —

и вся операция «Идеальный загар» может оказаться под

угрозой.

Удивительная женская логика: часами лежать неподвижно ради нужного оттенка и приходить в ужас от муравья на полотенце.

И при этом совершенно не бояться сообщить мужчине, что тот слегка поправился.

Лола, разумеется, ничего из этого не сказала.

Она просто посмотрела.

И этого оказалось достаточно.

Иногда взгляд любимого человека действует убедительнее любого мотивационного тренинга.

Альт всё понял без слов.

И ему стало немного стыдно.

Не за живот.

За другое.

За расслабленность.

За медленную капитуляцию перед возрастом.

За то, что иногда гораздо легче придумать оправдание, чем действительно начать что-то менять.

Если бы мысли Наташи и Лолы, лежавших под одним и тем же солнцем, однажды обрели форму и встретились на нейтральной территории, это стало бы одним из самых удивительных столкновений мировоззрений в истории Вселенной.

Мысль-Наташа предстала бы стройной женщиной в идеально скроенном деловом костюме.

В одной руке — планшет.

В другой — смартфон.

Где-то за спиной — ещё один, на случай чрезвычайной ситуации.

От неё пахло бы кофе, дедлайнами и ответственностью.

Мысль-Лола выглядела бы полной противоположностью.

Она была бы расслабленным облаком, пропитанным ароматом кокосового масла, морского воздуха и абсолютного примирения с жизнью.

Медленно дрейфовала бы по комнате, лениво отталкиваясь от стен и с любопытством наблюдая за тем, как меняется её собственная форма.

Возле неё время текло бы заметно медленнее.

Настолько медленнее, что некоторые часы начинали бы сомневаться в необходимости дальнейшей службы.

Их разговор давно вошёл бы в золотой фонд межпространственного непонимания.

— Так, — сказала бы Мысль-Наташа, не отрывая взгляда от планшета.

— У нас есть окно ровно три минуты сорок секунд. По какому вопросу? Детский сад? Оплата кружков? Костюм снежинки? Молоко? Новые кроссовки? Говорите быстрее.

— А если я сейчас ПОШЕВЕЛЮСЬ, — задумчиво ответила бы Мысль-Лола, — и случайно раздавлю одного МУРАВЬЯ... Он ведь тоже имеет право на жизнь? Или нет? Как

думаешь?.. Надо лежать...

Мысль-Наташа медленно моргнула.

Очень медленно.

Настолько медленно, будто система обнаружила неизвестную ошибку.

— Муравьи? Это новый бренд детского питания?

Пауза.

— Косметики?

Ещё пауза.

— Где они продаются?

— Не продаются.

— Тогда зачем ты о них думаешь?

— Потому что они существуют.

— Это крайне неэффективный подход к планированию.

На этом месте любая логика обычно увольнялась по собственному желанию.

Но удивительным образом обе прекрасно понимали друг друга.

Вероятно, именно поэтому семья до сих пор не распалась под тяжестью человеческих характеров.

Альт лежал неподалёку и философски накапливал витамин D.

Во всяком случае, именно так он предпочитал называть происходящее.

— Нет это не жир, — убеждал он себя. — Это аккумулированное счастье под воздействием ультрафиолета и морского воздуха.

Аргумент выглядел убедительно — на несколько секунд.

Память услужливо вернула сцену: Ноа ходила вокруг него, то отходила, чтобы увидеть целиком, то подходила почти вплотную.

Взрослые казались ей странными — высокими, длинными, будто выросшими прямо из земли. Чтобы заглянуть им в лицо, приходилось запрокидывать голову так сильно, что небо на мгновение переворачивалось вместе с ними.

Но постоянного размера у них для неё не было.

Отец мог стать огромным, а через минуту — обычным.

Мама — маленькой, почти на уровне глаз.

Дедушка — вдруг вырасти до потолка.

Она просто меняла масштаб.

Приближала.
Сжимала.
Увеличивала.

И вместе с человеком незаметно менялся весь мир вокруг него.

Наверное, детское сознание ещё не знало, что так нельзя.

И потому позволяло себе это маленькое чудо.

Ноа решительно ткнула Альта пальцем в бок. Палец встретил не камень и не дерево, а тёплую, податливую ткань.

Её глаза вспыхнули, будто она только что открыла величайшую тайну на свете.

— Дедуля мягкий, как подушка!

Этого открытия было вполне достаточно. Ноа звонко рассмеялась и тут же умчалась по своим чрезвычайно важным детским делам, не сомневаясь, что сообщила взрослым нечто действительно необходимое.

Лола тогда лишь улыбалась.

Не смеялась и не комментировала.

Просто смотрела.

Именно это было опаснее всего.

Женщина может многое сказать словами.

Но иногда один взгляд заменяет трёхчасовую лекцию.

Она ничего не сказала.

Именно поэтому Альт понял всё.

Про возраст.

Про привычку откладывать.

Про то, что тело постепенно начинает требовать отдельного договора о сотрудничестве.

И про то, что когда-то можно было съесть половину холодильника в одиннадцать вечера и проснуться стройным.

Теперь же организм воспринимал кусок торта как террористическую угрозу национального масштаба.

Отпуск закончился слишком хорошо.

Подозрительно хорошо.

Три женщины.

И ни одной серьёзной истерики.

Ни одного:

— Ты меня вообще слушаешь?

Ни одного:

— Я же тебе уже говорила.

Ни одного:

— Дедуля, а где мой подарок?

Подозрительно.

Очень подозрительно.

Настолько, что Альт начал нервничать.

Жизненный опыт подсказывал:

если всё идёт слишком хорошо, значит Вселенная просто берёт разгон.

— Ну что, человечище, — подумал Альт. — Тишина страшнее привычных криков оказалась?

Когда-то ему казалось, что люди по ту сторону этой черты принадлежат совсем другому измерению — спокойному, неторопливому, давно разобравшемуся с мирозданием и уже ничего от него не ждущему.

А теперь он с удивлением обнаружил, что за прошедшие годы мало что изменилось. Перед ним был всё тот же пацан из юности, только теперь спрятанный за солидной внешностью взрослого мужчины.

И, как выяснилось, за этой маскировкой по-прежнему скрывался прежний парень.

Причём с мудростью у него всё ещё оставались вопросы.

Он прислушался к себе и вдруг понял: привычное исчезло, а непривычное оказалось тревожнее.

Мысль была неприятной.

А потому, как и многие неприятные мысли, казалась подозрительно правдивой.

Наверное, юность заканчивается незаметно.

Не по календарю.

А когда перестаёшь ждать, что кто-нибудь более молодой, смелый и живой появится и разберётся со всем вместо тебя.

И вдруг понимаешь простую вещь: остывший кофе всё равно придётся допить самому.

Единственный, кто остался в этой реальности, — ты.

С глазу на глаз с реальностью. Голая физика, и никаких тебе спецэффектов.

А вся эта суета вокруг — чужая игра. Нам просто выдали её, исказив правила, графику, идеологию, а потом заставили делать вид, будто это и есть жизнь.

Но мир изначально не обязан был быть устроен под нас.

И, пожалуй, лучший способ победить в чужой игре — просто выйти из неё и устроиться на свой шезлонг.

Каждое утро всё начинается почти с нуля.

Задачи уже другие.

Проблемы тоже.

Но ощущение почему-то прежнее:

ты снова ничего не знаешь наверняка.

Снова учишься на ходу.

Снова у руля.

С чистого листа.

Альт усмехнулся.

Мысль показалась окончательной.

Он ещё не знал, насколько жестоко ошибается.

Выйдя из воспоминаний, Альт сделал последний глоток кофе и посмотрел в окно.

Остывший. Горьковатый. Свой.

Он поставил чашку и ещё немного постоял у окна.

Геннадий всё так же методично подметал двор.

Ворона всё так же наблюдала за человечеством с плохо скрываемым скепсисом.

Небо всё так же собиралось разродиться дождём.

Мир выглядел удивительно устойчивым.

А это означало только одно.

Где-то совсем рядом уже собиралось то, что в народе обычно называют:

«Ну вот...»

— Ладно, — пробормотал он. — Начну бегать, прыгать, отжиматься, может, даже на турнике висеть. Хотя, как говорят знающие люди, если бы физкультура действительно помогала добиваться успеха в жизни, мамы из приличных семей отправляли бы сыновей не в музыкальную школу, а на спортплощадку.

Он немного подумал.

— Странная всё-таки гонка. Тело всю жизнь пытается пережить мозг, а мозг — убедить тело, что без него оно никуда. И оба до сих пор уверены, что проигрывает кто-то другой.

Альт удовлетворённо кивнул.Аргумент показался ему вполне убедительным. Как приятно иногда встретить по-настоящему умного человека. Особенно если этот человек — ты сам.

Ровно до того момента, пока из спальни не донёсся сонный голос Лолы:

— Ты опять взглядом уменьшаешь живот?

— Нет, — автоматически соврал Альт.

— Перестань. Ты сейчас выглядишь как подросток, который боится, что у него растёт грудь.

Альт поперхнулся кофе.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста.

— Люблю тебя.

— Я знаю.

Именно так обычно и начинался их день.

Без спешки и неожиданностей.

С постепенно растворяющимися воспоминаниями о море, солнце и тех десяти днях, когда жизнь притворялась простой.

Альт хорошо знал это состояние.

Мир словно делал паузу. Набирал воздух перед следующим движением.

Именно в такие моменты обычно случалось что-нибудь странное.

Не обязательно страшное.
Не обязательно важное.

Просто странное.

Словно сама реальность проверяла, следишь ли ты ещё за происходящим — или уже окончательно живёшь на автопилоте.

Лола ещё не до конца проснулась.

Сон всё ещё держал её в своих тёплых ладонях, не позволяя окончательно вынырнуть в утро. Она лениво перемещалась где-то между явью и сновидением и никуда не спешила.

Пока Альт был рядом, этого было достаточно.

Но стоило ему тихо выйти из спальни, как что-то менялось. Постель ещё хранила тепло, в комнате ничего не происходило — и всё же исчезало нечто настолько привычное,

что Лола ощущала это почти сразу.

Через несколько минут она открывала глаза.

Она никогда не смогла бы объяснить, что именно её разбудило.

Стоило Альту выйти из спальни — сон капитулировал.

А вскоре квартира наполнялась хорошо знакомыми звуками человека, который уже проснулся, но ещё отчаянно пытался договориться с этим фактом.

Обычно завтрак был территорией Альта. Лола вмешивалась лишь тогда, когда её внезапно посещало кулинарное вдохновение или когда ей становилось жалко смотреть, что именно он считает завтраком.

Но в итоге всё неизменно сводилось к одному и тому же набору продуктов.

Словно они много лет катались по одной и той же уютной гастрономической карусели.

Если готовил Альт — появлялся кофе.

Крепкий.

В турке.

С пенкой.

Иногда — яйца всмятку.

Сваренные ровно столько времени, сколько нужно. Всё остальное в этом мире уже и без того было неопределённым.

Бутерброды с сыром.

Тонкий слой масла.

Никаких революций.

Никаких экспериментов.

Утро и без того слишком непредсказуемо, чтобы усложнять его завтраком.

Если готовила Лола — на свет появлялась овсянка.

С мёдом.

Или с вареньем.

Иногда и с тем и с другим одновременно.

Словно овсянка обладала удивительной способностью принимать любые дополнения, не изменяя собственной философии.

Они давно перестали спрашивать друг друга:

— Что будем есть?

Ответ был известен заранее.

Иногда, правда, случались локальные восстания.

— Может, сегодня омлет? — осторожно предлагал Альт.

— Мы же яйца вчера ели, — спокойно отвечала Лола.

На этом революция обычно заканчивалась.

Мир возвращался к стабильности.

Овсянка снова побеждала.

Как побеждала уже много лет подряд.

Но странное дело.
Эта предсказуемость не раздражала.

Наоборот.

В ней было что-то удивительно уютное.

Как в старых домашних тапках.

Как в любимой кружке.

Как в знакомом скрипе пола.

Человек почти всегда ищет счастье в больших событиях.

А потом неожиданно обнаруживает, что оно давно поселилось в повторениях.

В мелочах.

В вещах, которые происходят каждый день.

И именно поэтому становятся почти невидимыми.

Однако именно в это утро привычная ткань реальности едва заметно сморщилась.

Декорации пока держались.
Кофе пах кофе.
Небо обходилось без мистических знаков.

Близкие миры вели себя более-менее предсказуемо.
Наш мир изо всех сил пытался симулировать нормальность.
Где-то глубоко внутри возникло странное чувство.

Будто память вспомнила то, чего ещё не было.

Будто впереди уже существовало событие.

И теперь терпеливо ожидало своей очереди.

Альт не мог объяснить это ощущение.

Да и не пытался.

За последние годы он научился относиться к подобным вещам с уважением.

Особенно когда они приходили без приглашения.

Иногда имитация оказывается мудростью.

Иногда — паранойей.

Разницу обычно понимаешь слишком поздно.

Он перевёл взгляд на диван.

Самый обычный.

Старый.

Надёжный.

Проверенный временем.

Диван, который выслушал больше семейных разговоров, чем некоторые психотерапевты.

И вдруг среди всех этих воспоминаний мелькнула совершенно прозаичная мысль:

— Надо бы его почистить.

Мысль возникла так неожиданно, что Альт даже перестал пить кофе.

Почистить диван?

Сейчас?

Почему?

Вопросов оказалось гораздо больше, чем ответов.

Странный порыв.

Не написать картину.

Не прогуляться.

Не прочитать книгу.

Не придумать новую историю.

Нет.

Почистить диван.

Оттереть старые пятна.

Вернуть ткани прежний вид.

Просто привести диван в порядок — своего рода индульгенция за будущие огрехи.

Желание выглядело настолько нелепым, что почти сразу приобрело признаки судьбы.

— С чего бы вдруг? — мелькнуло у Альта.

Но мысль пролетела, как пуля, не оставив после себя даже дыма вопроса.

Ощущение осталось.

Будто мысль пришла не изнутри.

Будто кто-то осторожно положил её ему в голову.

Как записку.

Как приглашение.

Как команду.

Он снова посмотрел на диван.

Тот выглядел совершенно невинно.

Именно это почему-то настораживало сильнее всего.

«А ведь желание почистить диван пришло не от меня...

Это диван захотел, чтобы его почистили».

Мысль была откровенно нелепой.

Именно поэтому немедленно отказалась уходить.

Она устроилась где-то на задворках сознания и принялась тихо жужжать.

Как назойливая муха.

Как забытая мелодия.

Как чувство, что ты упустил нечто важное.

— Глупости, — вслух сказал Альт.

Но мысль не исчезла. Кажется, ей это даже понравилось.

Из дальней комнаты, одновременно служившей кабинетом и гостиной, донеслось возмущённое Лолино:

— Да чтоб тебя…бись оно конём... штопаный Экибастуз!

Похоже, очередной раз взбунтовались либо «семёрка», либо старенький компьютер, категорически не желавший поддерживать новую версию программы для проведения онлайн-занятий.

«Опять что-то слетело», — машинально отметил Альт.

Он даже не повернул головы.

За последние годы подобные реплики стали такой же привычной частью домашнего звукового пейзажа, как шум закипающего чайника или ворона на соседнем балконе.

Лола проводила дистанционное обучение.

Она готовила материалы, вела занятия по видеосвязи, отвечала на вопросы, проверяла задания и каким-то чудом удерживала внимание десятков взрослых людей.

Со стороны всё выглядело довольно просто.

На практике же это напоминало попытку одновременно дирижировать оркестром, заточить все иголки на спящем дикобразе, отремонтировать электростанцию и убедить десяток человек нажать одну-единственную кнопку.

Причём именно ту, которую никто из них нажимать не хотел.

Учились у неё региональные управленцы.

Настоящие.

Будущие.

И те, кто очень надеялся ими стать.

Подающие надежды.

И просто обладатели редкого дара — безошибочно находить дорогу к директорскому кабинету.

Селекция избранных происходила заранее.

Вероятно, по каким-то особым критериям.

Возможно, по партийным спискам.

Возможно, по рекомендациям.

А возможно, по тем самым загадочным алгоритмам, которые существуют исключительно для того, чтобы объяснять

необъяснимые назначения на ответственные должности.

Здесь собирали тех, кто хорошо умел выполнять команды и быстро осваивал новые.

Им не терпелось однажды поднять родину с тех мест, которыми судьба уже успела её наградить, а дальше — встать, сесть, ещё ниже сесть и снова встать.

Они ещё не успели нагулять необходимый управленческий жирок.

Но уже были готовы превратить любое Зюзюкино в край вечнозелёных помидоров, высоких достижений и победных отчётов.

У большинства место рождения совпадало с местом будущей службы.

Что выглядело вполне логично.

Странно было бы горячо любить родину и одновременно строить планы на карьеру где-нибудь в другом регионе.

Хотя жизнь регулярно доказывала, что способна удивлять и куда более странными сочетаниями.

Подготовка заключалась в том, чтобы однажды этот пластичный человеческий материал начал работать в нужном направлении.

И желательно — в управляемом режиме.

Чтобы тем, кому действительно предстояло принимать большие решения, впоследствии было проще действовать через уже обученных и правильно настроенных исполнителей.

Если говорить совсем просто, их учили претворять законы в жизнь, не отходя от кассы.

Обучающий тренажёр был запущен.

Профинансирован.

Согласован.

Одобрен.

Подписан всеми необходимыми инстанциями.

А значит — существовал.

Цель программы выглядела совсем не скромной.

Наверное, поэтому в публичном пространстве о ней говорили так, будто родину уже почти подняли. Оставалось только не дышать.

У больших проектов есть странная особенность: пока они кажутся безумием, их лучше не рекламировать. Сначала над ними смеются. Потом начинают спорить. А когда всё «получается», начинают уверять, что именно так и должно было случиться.

Большие идеи вообще не любят шума. Шум обычно начинается уже после того, как они сработали.

Идеальный выпускник программы в нужный момент должен был посмотреть на происходящее вокруг и произнести всего одну фразу:

— Кажется, я знаю, что с этим делать.

Этого было достаточно.

Дальше система достраивала всё сама.

Иногда Альту казалось, что по похожему принципу работают телевизионные шоу талантов.

Там тоже всё начинается с выбора.

Берётся ничем не примечательный человек.

Вокруг него создаётся история.

Потом миллионы зрителей голосуют.

Потом кто-то побеждает.

И все счастливы.

Но почти никто не задаёт главный вопрос.

Не кто победил.

А зачем людям вообще так важно участвовать в самом процессе выбора.

Возможно, именно ради изучения этого механизма человечеству годами предлагали всё новые версии одного и того же эксперимента.

Выбирай.

Голосуй.

Решай.

Участвуй.

Главное — чувствуй себя частью процесса.

Правильный результат каким-то удивительным образом всегда оказывался именно тем, который был нужен галактике, государству, рынку или алгоритму.

А иногда — тому, кто придумал правила игры задолго до начала партии.

Оставалось только угадать, кого из них сегодня назначили правым и по какому прейскуранту.

Неправильный ответ иногда обходился слишком дорого.

Впрочем, не так важно, кто победит. Важно, кто устанавливает правила.

Куда важнее сам ритуал единственно правильного выбора.

Тихий восторг от собственного участия.

Удовольствие от нажатой кнопки.

И полное равнодушие к тому, кто потом подсчитывает результаты.

Развитие снова отложили.

Опять.

Потому что развитие — скучная штука.

А всё скучное очень быстро становится невидимым.

Что там развивать?

Мы же уже достигли вершины эволюции.

Построили Коллайдер.

Гигантскую машину, с помощью которой человечество пытается осторожно ткнуть палкой в ткань мироздания.

Зачем?

Хороший вопрос.

Официально искали какую-то особенно важную частицу.

С таким названием, будто Вселенная случайно забыла её в кармане старого пальто, а человечество теперь надеется одновременно найти там монетку, жвачку и смысл собственного существования.

Монетку, кажется, нашли.

Жвачку — нет.

Зато успели породить несколько волн паники и, вполне возможно, привлечь внимание всей местной бесовщины, с любопытством наблюдавшей за тем, как люди в очередной раз пытаются разобрать реальность на детали.

Нам предложили собрать несметные горы денег.

Мы собрали.

И честно отправили их куда-то очень далеко.

За счёт тех самых людей, которые искренне верят, что администрация этого аттракциона просто обязана однажды вернуть им бесплатный сыр.

Желательно уже нарезанный.

И с гарантией возврата средств в случае неудовлетворительного вкуса.

Потом несколько особенно смелых, преданных и тщательно подготовленных парней и парочка не менее тщательно подготовленных девчат отправились в космос.

Их миссия выглядела благородно.

Даже героически.

Во всяком случае, именно так её показывали по телевизору.Телевизор вообще редко любит сложные сюжеты. Герои в них смотрятся значительно лучше.

Но Альта всегда мучил один вопрос.

Что именно мы там делаем?

Смотрим на звёзды?

Изучаем Вселенную?

Ищем новые горизонты?

Или тихо достраиваем где-нибудь за пределами человеческого взгляда очередную колонию для избранных?

Конечно, официальная версия звучала красивее.

Герои.

Улыбки.

Флаги.

Вдохновляющая музыка.

Люди делали селфи на фоне бесконечной чёрной пустоты и становились символами эпохи.

И где-то между этими кадрами возникало ощущение, что даже бесконечность однажды превратили в маркетинговый продукт.

Ведь если подумать, человечество совершило удивительный трюк.

Оно взяло космос.

Бескрайний.

Непостижимый.

Пугающий.

И превратило его в рекламный баннер.

Для этого нужен настоящий талант.

Или настоящее безумие.

Иногда Альту казалось, что разница между этими понятиями гораздо меньше, чем принято считать.

Потом человечество создало Квантовый компьютер.

Само название звучало так, словно кто-то решил назвать молоток «Инструментом трансцендентного воздействия».

Устройство получилось настолько сложным, что его существование долгое время выглядело чем-то средним между фантастикой, научной теорией, государственной тайной и очень дорогим способом получать финансирование. Все знали, что оно есть. Некоторые даже утверждали, что оно работает. Но широкая публика познакомилась с ним лишь тогда, когда кто-то наконец решил, что пришло время рассказать об этом по телевизору.

С уважением.

С опаской.

И без малейшего понимания происходящего.

Казалось бы, подобную мощь следовало направить на величайшие загадки мироздания.

На расшифровку законов Вселенной.

На поиск новых источников энергии.

На понимание природы времени.

На разговор с Богом.

Или хотя бы с его автоответчиком.

Но человечество осталось удивительно верным себе.

Поэтому значительная часть вычислительной мощи снова ушла на добычу виртуальных монеток.

Цифровых сокровищ.

Финансовых галлюцинаций, существующих исключительно потому, что миллионы людей договорились считать их реальностью.

Если задуматься, деньги вообще были странным изобретением.

Когда-то ими служили ракушки, соль, меха, уголь, медные пуговицы, серебряные и золотые монеты. Потом появились бумажки, уверявшие, что где-то за ними стоит настоящее богатство. Затем исчезли и бумажки.

В конце концов остались только цифры.

И что удивительно — именно тогда люди начали верить в деньги сильнее, чем когда-либо прежде.

Попробуй объяснить это пещерному человеку, который честно обменивал кремнёвый топор на кусок мяса.

Вот это пугало по-настоящему.

Потому что любая коллективная галлюцинация, в которую одновременно верят миллиарды людей, рано или поздно начинает приобретать свойства объективной реальности.

А дальше становилось ещё интереснее.

Гигантские вычислительные мощности.

Сложнейшие алгоритмы.

Нейронные сети.

Машинное обучение.

Квантовые вычисления.

И всё это ради того, чтобы с почти космической точностью определить, какую туалетную бумагу человек купит во вторник вечером.

Или какие чипсы он возьмёт после третьего ролика.

Вселенная подождёт.
Чипсы — нет.

Иногда Альту казалось, что человечество напоминает гениального математика, научившегося вычислять движение галактик исключительно для того, чтобы выигрывать в крестики-нолики.

И самое смешное заключалось в том, что схема действительно работала.

Причём работала прекрасно.

В этот момент Лола снова высказала компьютеру всё, что думала о нём, его производителях, техническом прогрессе, провайдерах, программистах и вообще обо всех, кто хоть раз приложил руку к тому, чтобы жизнь человека стала проще.

Компьютер выслушал её до конца и завис. Видимо, решил, что при таком количестве претензий проще притвориться мёртвым. Он и без того оказался между двух огней, причём ни одна из противоборствующих сторон явно не собиралась принимать его в свои ряды. Не найдя подходящей линии обороны, компьютер избрал единственно доступ-

ную ему форму нейтралитета — перестал подавать признаки жизни.

Лола ответила ещё одной короткой, но очень эмоциональной фразой:

—Там целое состояние внутри,а он зараза завис и видимо ждет, когда я дорасту до его уровня!

Судя по интонации, переговоры окончательно зашли в тупик.

— Коллеги, одну секунду, — донеслось из комнаты.

Пауза.

— Нет, коллеги, это не у вас.

Ещё одна пауза.

— И не у меня...

После чего наступила тишина.

Особенно опасная.

Та самая, которая обычно возникает за мгновение до тех-

нической катастрофы.

Альт сочувственно улыбнулся.

В противостоянии человека и техники победителей почти не бывает.

Чаще всего обе стороны просто теряют время.

И уважение друг к другу.

Он снова посмотрел на диван.
На тот самый.
Старый.
Надёжный.
Упрямый.
Диван, переживший гостей.
Праздники.
Болезни.
Ремонты.
Перестановки.
Семейные споры.
И бессчётное количество кружек кофе.

Мысль о химчистке уже не казалась случайной. Она обрела какую-то странную основательность. Будто что-то внутри наконец созрело.

Возможно, даже не диван.

И не Альт.

А нечто третье.

Странное ощущение становилось всё отчётливее: будто диван давно ждал именно этого дня.

«Итак... к дивану».

Альт ещё немного посмотрел на него. Казалось, теперь оставалось только приступить к делу.

Вопрос, который годами откладывался под самыми благовидными предлогами, перестал быть будущим.

Если говорить честно, большинство бытовых проблем проходит одни и те же стадии.

Сначала:

«Надо сделать».

Потом:

«Надо будет сделать».

Затем:

«На выходных обязательно сделаю».

После этого:

«Сейчас не время».

И наконец:

«Да вроде и так нормально».

Диван образцово прошёл их все.

Лёжа в своей любимой позе, Альт принялся сравнивать предложения специалистов по химчистке.

Интернет уверенно утверждал, что каждый второй мастер — легенда профессии.

Каждый третий — спаситель мебели.

А каждый четвёртый способен вернуть к жизни даже то, что официально считалось погибшим ещё в прошлом веке.

Отзывы выглядели настолько восторженными, что поневоле вызывали подозрение.

«Спас диван».
«Спас кресло».

«Спас отношения».

Последний отзыв Альт перечитал дважды, стараясь не улыбаться так, будто ему наконец-то открыли тот самый недоступный, тщательно скрываемый тайный смысл семейного благополучия в обычных человеческих отношениях.

До чего всё-таки рафинированное время.

Когда-то отношения спасали терпение, чувство юмора и способность вовремя промолчать. Теперь — услуга или правильный предмет интерьера, купленный или улучшенный по рекомендации из соцсетей.

Последний отзыв Альт перечитал дважды, стараясь не улыбаться так, будто ему наконец-то открыли тот самый недоступный, тщательно скрываемый тайный смысл семейного благополучия.

Очень современная формулировка, подумал он. Потом решил не углубляться и вовремя одёрнул себя: нечего уподобляться нафталину, который при каждом удобном случае вздыхает о том, до чего дошёл прогресс.

Некоторые загадки лучше оставлять недоразгаданными.

Выбранного мастера звали Егор.

Договорились на шесть вечера.

Приехал он ровно в шесть тридцать.

Зато в прекрасном настроении.

Что по нынешним временам автоматически делало его человеком удивительно пунктуальным.

Главное — человек хороший.

Потому что ожидание любого специалиста всегда делится на два времени.

Обещанное.

И настоящее.

Между ними обычно лежит бездна.

Егор появился с чемоданом аппаратуры, отдельной сумкой пятновыводителей и коротким:

— Здрасте.

После чего первым делом попросился в туалет.

И только потом согласился посмотреть диван.

Альт сразу проникся уважением.

В человеке, который сначала решает действительно важные вопросы и лишь потом приступает к работе, чувствовалась настоящая житейская мудрость.

Егор внимательно осмотрел диван.

Обошёл его кругом.

Присел.

Пощупал ткань.

Изучил пятна.

Задумался.

Ещё раз посмотрел.

Потом указал на знаменитое кофейное пятно.

— Говорите... точка G?

Он посмотрел на диван.

Потом на хозяев.

Потом снова на диван.

— Так это ж она. В каждом доме своя. У одних холодильник. У других телевизор. А у вас — диван. Гы-гы... Поздравляю. Нашли.

Лола рассмеялась.

Альт только закатил глаза.

Шутка была настолько дурацкой, что отказаться от неё было невозможно.

Тем более что Егор явно не заготавливал её заранее.

Она родилась сама.

Как рождаются самые живучие анекдоты.

— Вот здесь кофе, — Альт показал на пятно.

— А здесь вроде сок, — добавила Лола. — Или вино. Уже не помню.

— Это нормально, — философски заметил Егор. — Обычно пятна живут дольше человеческой памяти.

Он щёлкнул перчатками.

И началась магия.

Во всяком случае, именно так это выглядело со стороны.

Сначала диван тщательно пропылесосили.
По-настоящему.
До основания.
Потом подняли ворс.
Затем Егор нанёс первый состав.
Следом другой.

Потом третий.

После этого Альт окончательно перестал понимать, что происходит.

Он посмотрел на диван.

Потом на Егора.

И почему-то больше не решался смотреть на диван как прежде. Просто наблюдал за процессом с выражением лица человека, которого случайно допустили в секретную лабораторию.

— А это что?

— Энзимный состав.

— А это?

— Кислотный.

— А это?

Егор поднял бутылку.

Посмотрел на неё.

Потом на Альта.

— А вот это лучше не трогать.

После такого ответа количество вопросов резко сократилось.

Неожиданно выяснилось, что наблюдать за профессиональной химчисткой удивительно интересно.

Особенно если никогда раньше не видел, как из старой ткани буквально вымывают годы жизни.

Егор регулярно менял воду в моющем пылесосе.

Уносил грязную.

Возвращался с чистой.

С каждым разом вода становилась светлее.

И постепенно проступал настоящий цвет ткани.

Не выцветший.

Бирюзовый.

Живой.

Яркий.

Обнажив цвет совершенно уже незнакомый.

— Смотри, — удивилась Лола. — Он у нас красивый.

— Получается, всё это время мы сидели... на этом?

— Не драматизируй.

— Я не драматизирую.

Я констатирую.

— Иногда это одно и то же.

За окном окончательно стемнело.

Геннадий давно завершил свою ежедневную битву с энтропией и ушёл домой.

Ворона тоже улетела по своим делам.

Лола успела закончить занятия.

Прошло пара часов.

А диван тем временем продолжал молодеть прямо на глазах.

Наконец Егор выключил оборудование.

Осмотрел результат.

Кивнул.

С видом хирурга, завершившего сложную операцию.

— Всё.

— И всё? — спросил Альт.

— А что ещё?

— Ну... Я ожидал хотя бы какого-нибудь финального эффекта, — неожиданно для самого себя произнёс Альт, пытаясь понять, от кого именно он ждёт этой справедливости — от мебели или от жизни.

— Самый дорогой эффект — когда думать есть чем, но особенно не о чем.

И снова было совершенно невозможно понять, шутит он или говорит серьёзно.

С Егором вообще существовала эта проблема.

Он производил впечатление человека, который постоянно живёт где-то на тонкой, почти невидимой границе между сермяжным юмором и производственной инструкцией. При этом в нём угадывался настоящий анархист, не понаслышке знающий, как претворять хаос в порядок.

Из тех людей, которые уходят, но почему-то кажется, что обязательно ещё вернутся.

— До завтра не садиться.

— На диван?

— Желательно.

— А на что ещё?

— Ну мало ли...

Лола снова рассмеялась.

Егор остался абсолютно серьёзным.

Диван выглядел непривычно.

Слишком чистым.
Слишком новым.

Словно кто-то осторожно отмотал несколько лет назад и вернул вещам их первоначальный облик.

Именно тогда Альту впервые показалось, что вместе с грязью исчезло что-то ещё.

Что-то гораздо менее заметное.

Ощущение исчезло почти сразу.
Но этого «почти» оказалось достаточно.

Когда Егор упаковал оборудование, Альт расплатился.

Диван остался сохнуть до утра.

Дом постепенно возвращался к обычному состоянию.

Уход постороннего человека всегда немного меняет атмосферу квартиры.

Пока он внутри, пространство словно принадлежит всем.

Потом дверь закрывается.
Шаги затихают на лестнице.
Лифт увозит гостя.

И квартира снова становится собой.

Перед сном Альт ещё раз подошёл к нему, потрогал ткань, проверил, действительно ли она стала другой.

И тут же поймал себя на этом.
Будто проверял не мебель, а температуру у выздоравливающего родственника.

Ткань ещё оставалась влажной, но уже дышала свежестью.

Не магазинной.

Свежестью начала.

Словно предмету разрешили ещё раз прожить свою молодость.

Упрямое пятно наконец сдалось.

После многих лет сопротивления, долгой оккупации и полной уверенности в собственной неуязвимости.

История сопротивлялась до последнего.

Но у бытовой химии оказался удивительно убедительный характер.

Во всяком случае, внешне.

Альт уснул с приятным ощущением внутреннего порядка.

Будто сегодня вернул на место хотя бы одну маленькую деталь мира.

Этого оказалось достаточно.

Утром диван выглядел подозрительно хорошо.

Настолько хорошо, что невольно вызывал недоверие.

Некоторые вещи становятся красивее именно благодаря возрасту.

Старое дерево. Книги. Дома.

Старые люди.

И старые диваны.

Когда их вдруг делают слишком новыми, появляется ощущение лёгкого подвоха.

Бирюзовая ткань словно дышала обновлённой свежестью.

Подушки выглядели бодрее большинства людей по утрам.

Даже привычные складки исчезли.

Словно ночью здесь поработала специальная служба ме-

бельного благополучия.

До тех пор, пока Лола не провела рукой по изголовью.

Жест был совершенно машинальным.

Обычным.

Тем самым, которым женщины обнаруживают вещи, существование которых мужчины способны не замечать годами.

Пальцы остановились.

Лола нахмурилась.

— А это что?

В её голосе мгновенно появились интонации, предвещающие расследование.

Альт подошёл.

Посмотрел.

На каркасной части дивана, сразу за подушкой, обнару-

жилось белёсое, шероховатое на ощупь пятно.

Размером чуть меньше человеческой ладони.

Альт присел и внимательно его рассмотрел.

Контур был свежим.

И совершенно необъяснимым: диван только что вычистили.

— Давай назовём его «Поллок», — предложила Лола, разглядывая странные очертания.

— Давай.

Название подошло идеально.

Белёсые прожилки почти точно повторяли рельеф человеческой ладони.

Линии.
Складки.
Мелкие изгибы кожи.

Пятно словно просило приложить руку сверху.

Проверить.

Альт чуть изменил угол взгляда.

И ладонь исчезла.

Пальцы изогнулись под невозможным углом.
Линии сложились в знакомый силуэт.

Не человек.
Не животное.

Взгляд зацепился за одну деталь — высокую, ломаную линию шеи.
Слишком прямую для живого существа.
Слишком узнаваемую, чтобы оказаться случайностью.

Альт моргнул.

Перед ним снова была ладонь.

Он ещё раз посмотрел на пятно.

Никакой фигуры.

Только контур.

И всё же память сохранила его — словно отпечаток руки, оставшийся на поверхности времени.

Некоторые образы достаточно увидеть один раз.
После этого они начинают смотреть на тебя сами.

Пятно выглядело так, будто Егор, заканчивая работу, оставил последнюю подпись.

Лола провела ладонью по чистой ткани.
Потом по пятну.

Снова по ткани.

И снова по пятну.

Молча сравнивая ощущения.

— Пена.
— Засохшая.

— Может быть, защитный состав? — предположил Альт.

— Или кондиционер для ткани?

— Или халтура, — спокойно ответила Лола.

Альт присел на корточки.

Осмотрел пятно.

Потрогал.

Оно выглядело совершенно безобидным.

Настолько безобидным, что ему сразу захотелось не доверять.

— Звони ему ты.
— Почему я?
— Потому что выводы сделала я.
А сообщать неприятные новости должен кто-то другой. В данном случае — мужским и не обязательно приятным голосом. Такой у нас имеется...
— Очень удобно.
— Конечно.
Рада, что ты наконец то начал ценить..
— И что мне за это будет?
— Он тебя красиво отфутболит. Но ты упорный — поборитесь, глядишь и победишь.Зато решится быстро и будет чем гордится перед сном.

— А...это мне, значит, так повезло…?
— Безусловно.
Тебе вообще со мной повезло.
— А ему?
— А он пока ещё ничего не знает.
— Звони.
Пришлось звонить.

Егор ответил почти сразу.
Выслушав описание проблемы, он замолчал, взвешивая на невидимых весах самое дорогое, что у него было.
Свободный вечер.
И несколько десятых рейтинга.

В мире, где человека всё чаще оценивали цифрами, а цифры решали за человека.

Весы даже не качнулись.

Выбор оказался мгновенным.

— Заеду сегодня.

Исправлю.

Это остаточный реактив.

Бывает.

Альт положил телефон.

Посмотрел на пятно.

Пятно продолжало существовать.

Совершенно невозмутимо.

— Ну что, — вздохнул он. — Теперь у нашего дивана появилась тайна.

— Не тайна.

Недоработка.

Но сказала это Лола как-то не слишком уверенно.

Потому что сама ощущала что-то странное.

Очень странное.

Неясное, не поддающееся объяснению, но настойчивое. Будто что-то коснулось её изнутри, отозвалось где-то глубже

обычных мыслей. Она не понимала, что именно чувствует и откуда это пришло. Только знала, что это не случайность. Настолько странное, что она даже не решилась произнести это вслух.

Ей почему-то казалось, что звонок Егору был ошибкой.

— Ты тоже это чувствуешь? — тихо спросила Лола.

Альт посмотрел на неё.

— Что именно?

Она ещё секунду смотрела на пятно.

— Не знаю.

И промолчала.

Пятно должно было остаться.

Его нельзя трогать.

Если убрать этот последний след, произойдёт что-то неправильное.

Что-то такое, после чего уже ничего нельзя будет вернуть назад.

Почему?
Она не знала.

Именно поэтому промолчала.

Когда страх невозможно объяснить, он быстро обрастает здравым смыслом. Мозг просто не любит паниковать впустую. Секунда — и ты уже совершенно уверен, что дело в лишней чашке кофе, сквозняке или обычном недосыпе.
Лола поступила точно так же.

Мгновенно выстроила удобную и совершенно логичную баррикаду.

Пусть звонит Альт.

Пусть решает Альт.

Переложить неизвестность на мужские плечи — не слабость.

По крайней мере, именно так это выглядело изнутри.

Так было проще.

И мир ещё несколько минут мог притворяться спокойным.

В ожидании мастера Альт машинально провёл ногтем по белёсому пятну.

И замер.

Под пальцем ткань неожиданно поддалась — легко, без привычного сопротивления.

За ней не чувствовалось ничего привычного.

Альт убрал руку.

Ощущение оказалось пугающе знакомым.

Слишком знакомым.

Как тогда.

Год назад.

Год назад.

Он шёл по тротуару вдоль проспекта.

Нужно было быстро сбегать в магазин.

Самый обычный день.

Самый обычный маршрут.

В какой-то момент он неожиданно свернул в переулок.

Просто так.

Без всякой причины.

Вернее, причина наверняка существовала: нужно идти или не нужно идти...Но зачем-то надо было пройти более коротким путем. Сам не понял, кто ему это подсказал, но память тут же стерла эту самую причину за ненадобностью.

Он прошёл метров тридцать.

Мимо небольшого пустыря.

И вдруг асфальт под ногами перестал быть твёрдым.

Реальность словно нажала кнопку «Пауза».

Она просто...

задумалась.

Будто кто-то невидимый остановил мир и начал медленно перелистывать последние секунды обратно.

Ещё один шаг.

И Альт провалился во что-то, что не было ни воздухом...

ни даже пустотой.

Это длилось одно бесконечно короткое мгновение между прошлым и будущим, когда время словно споткнулось, и они зеркально отразились друг в друге, на миг поменялись местами.

И всё исчезло.

Раз.

И он снова шёл по проспекту.

По своему первоначальному маршруту.

Будто вообще не сворачивал в переулок.

Будто не проходил мимо пустыря.

Будто тот шаг никогда не был сделан.

Тогда он остановился.

Постоял.

Обернулся.

Посмотрел назад.

Потом вперёд.

Потом снова назад.

Мир выглядел совершенно обычным.

Даже слишком обычным.

А это всегда настораживает сильнее всего.

Потом он ещё несколько раз возвращался на то место.

Проверял.

Пытался повторить маршрут.

Сворачивал в переулок.

Не сворачивал.

Шёл медленно.

Шёл быстро.

Даже специально наступал в ту самую точку.

Безрезультатно.

Больше ничего не происходило.

Постепенно история отправилась в архив необъяснимых событий.

Туда, где уже хранились десятки других странностей, накопившихся за жизнь.

И вот теперь...

диван.

С тем же привкусом невозможности.

С тем же ощущением сбоя в программе мироздания.

С тем же ощущением проваливаемости куда — то, где физика больше не работает.

С той же неправильностью происходящего.

Тем временем палец уходил в обивку всё глубже.

Глубже, чем это вообще было возможно.

Ещё глубже.

Словно внутри дивана внезапно закончилась материя.

И началось что-то другое.

Потом мир дрогнул.

Не резко.

Почти деликатно.

Зал исчез.

Лола застыла на полуслове.

Звук оборвался.

Свет оборвался.

Время...

тоже.

Альт падал.

Не вниз.

Не вверх.

Не в сторону.

Он падал туда,

где само понятие направления никогда не существовало.

Всё длилось исчезающе малую долю секунды.

Но именно эта доля секунды вдруг растянулась.

Стала длиннее минуты.

Длиннее часа.

Хотя, если уж на то пошло, здесь подобные единицы времени явно утратили всякий смысл.

Будто кто-то невидимый взял привычную логику мира.

Внимательно посмотрел на неё.

Повертел в руках.

И спокойно произнёс:

— Сегодня обойдёмся без неё.

Альт даже не успел испугаться.
Только успел подумать:
«Вот ведь диван... Похоже, слетел на тёмную сторону. Чисто диван-убийца, не иначе».

Если его действительно сделали в будущем, значит, там окончательно разочаровались в человечестве.

Оружие не помогло.
Политика — тоже.

И тогда они выбрали самый уютный способ.

Просто начали присылать мебель.

Без войн.
Без ультиматумов.
Без фанфар.

Хороший диван в каждый дом.

Чтобы человечество однажды исчезло на собственных диванах и даже не заметило, в какой момент проиграло.

«Очень хороший диван».

— Перенос, — мелькнула спасительная мысль. — Самый обыкновенный перенос.

Он инстинктивно попытался посмотреть на себя.

Не получилось.

Рук не было.
Ног тоже.
Тела вообще не существовало.

И всё же Альт занимал место — не в пространстве, а в самом факте своего бытия.

Он не видел себя.
Не чувствовал плоти.
Но совершенно отчётливо осознавал:

«Я здесь».

Координат не осталось.

А он всё равно был.

Пространство вокруг дышало серой мглой.

Без запаха, вкуса и расстояний.

И всё же сознание продолжало работать.
Ясно.
Пугающе ясно.

Первым пришёл самый древний инстинкт.

Вдохнуть.

Альт попытался набрать воздух.

Ничего не произошло.

Не потому, что воздуха не было.

Больше не существовало лёгких.

Следом захотелось сглотнуть.

Потом моргнуть.

Пошевелить пальцами.

Прислушаться к биению собственного сердца.

Сознание послушно отправляло привычные команды.

И каждый раз натыкалось на пустоту.

Тела не было.

Но память о теле ещё жила.

Она продолжала упрямо требовать невозможного.

Лишь спустя какое-то время странная паника начала отступать.

Осталась только мысль.

Чистая.

Необычайно ясная.

Словно всё лишнее наконец исчезло.

Альт осторожно вспомнил ветер в горах.

Не специально.

Просто проверяя, способен ли ещё хоть что-нибудь помнить.

И где-то впереди медленно проступил горный хребет.

Настоящий.
Холодный.
Он замер.
Вершины растаяли.
Он снова подумал о них.
Они вернулись.
Будто здесь память была не воспоминанием.
А способом создавать мир.
Удалось ли — неизвестно.

Лица у него сейчас тоже не было.

Рта не было. Слов тоже.

Альт просто подумал:

— Система? А мануал для новичков здесь предусмотрен?

Ответа не было.

— Или всё, как обычно, осваивается методом тыка?
Он немного подождал.
Не потому, что рассчитывал на ответ.

За последние годы разумные системы всё реже разговаривали словами. Они предпочитали действовать: угадывать за-

прос наперёд, подхватывать намерение и сразу выдавать готовый результат.

В его мире такие технологии только начинали внедрять. Нейросети, искусственный интеллект — названий хватало. Что именно скрывалось за ними, Альт и сам не всегда понимал.

Здесь всё работало иначе.
Никто не вступал в диалог.

Правила этой реальности появлялись в сознании уже готовыми — без объяснений, инструкций и даже ощущения, что их кто-то сообщал.

Хорошая система вообще должна была сама понимать раньше, чем её успевали о чём-либо попросить — трезво просчитал Альт.

Но сейчас...

Ничего.

Серая пустота молчала.
Ни отклика.
Ни присутствия.

Ни даже ощущения, что его вопрос был замечен.

Именно это оказалось самым непривычным.

Ответа не последовало.

И начинало казаться, что это молчание тоже было частью её устройства.

Горизонта ещё не существовало.

Как и самого мира.

Альт просто отпустил память.

Вдалеке появилась тонкая синяя полоса.

Следом — шум волн.

Пустота перестала быть пустотой.

Первым пришло море.

Не потому, что Альт любил его больше гор.

Просто память почему-то всегда начинает с горизонта.

С той линии, за которой ещё возможно всё.

Потянуло солью.

Послышался прибой.

И только потом возникло само море.

Будто оно не появилось.

Будто оно всегда было здесь.

Не хватало лишь того, кто сумел бы его вспомнить.

Когда человек закрывает глаза и пытается представить покой, ему редко являются налоговые декларации или очередь в поликлинике.

Обычно приходит море.

Оно возникало постепенно.

Сначала появился звук.

Тихий.

Ровный.

Потом запах.

Солёный воздух.

Ветер.

Далёкий прибой.

И только после этого проступила вода.

До самого горизонта.

Если здесь вообще существовал горизонт.

Море выглядело настоящим.

Даже слишком.

Настолько, что Альт почти поверил в него.

Он сосредоточился.

Представил волну.

Вол за валом. Вода с силой рассекала соседние гребни.

Представил чайку.

Появилась и чайка. Крупная белокрылая. Она пронзительно крикнула, перекрывая гул прибоя, и рухнула в кипящую бездну.

Появилась вновь. Сделала крутой разворот.

Недовольно крикнула.

И растворилась в серой пустоте.

— Неплохо.
Голос прозвучал спокойно.
Без удивления.
Словно Альт только что подтвердил давно ожидаемый ре-

зультат.

Море исчезло.

Вместе с ним исчезли волны.

Чайка.

Запах соли.

Пустота снова стала пустотой.

Посреди пустоты появилось старое кресло — потёртая винтажная кожа, запах книг и хорошего табака.

Альт ещё не успел удивиться, а уже чувствовал себя так, будто давно его знает.

Система материализовала не кресло.

Привычку к нему.

Альт посмотрел на него со скрытым обречением.

Потом туда, откуда прозвучал голос.

— Значит... разговор будет долгим.

Реальность создала не просто предмет.

Она каким-то образом вспомнила ощущение дома.

— Если ты сядешь, разговор получится значительно короче, — спокойно произнёс голос.

Источника не было.

Голосу не требовалось направление: он возник сразу вокруг Альта, будто эта пустота изначально была готова его принять.

Альт немного помедлил и всё-таки сел.

— Кто здесь?

Ответ последовал сразу:

— Не самый уместный вопрос.

— А какой же тогда важный?

Пауза.

Скорее такая, будто вопрос действительно стоило сначала обдумать.

— Почему здесь оказался ты.

Альт невольно усмехнулся.

— Звучит так, будто ответ уже известен.

— Разумеется.

— Тогда зачем спрашивать?

— Чтобы однажды этот ответ стал известен и тебе.

Альт мысленно вздохнул.

— У меня галлюцинации?

— Нет.

— Тогда кто....что вообще происходит?

— Смотря насколько длинную версию ты готов выслушать.

— Короткую.

— Ты сместился.

— Спасибо.

Это я уже понял.

— Не уверен, почему?

— Потому что люди обычно понимают значительно меньше, чем им кажется.

Кресло едва заметно качнулось.

Хотя сидеть в нём было некому.

— Ты кто?

— Хороший вопрос.

— Ответ будет?

— Когда-нибудь обязательно.

— Замечательно,— Альт хмыкнул и глубже вжался в кресло.— Куда нам торопиться, действительно.

— Полностью согласен.

В пустоте на мгновение возник силуэт. Ещё один. И ещё.

Черты не удерживались.

Альт попытался цепляться за образ человека.

Какого-то любого.
Хоть кого-нибудь.

В пустоте на мгновение возник силуэт.

Лицо не удерживалось.

Егор — но почему-то в длинном балахоне, которого Альт никогда на нём не видел.

Маленькая фигура мелькнула рядом. Гнома?

На мгновение — блеск чешуи.

Потом женское лицо.
Знакомое, но не из этого мира.

Следом — тяжёлая львиная тень.

Где-то ещё возникли очертания мачт, и затёртые чёрные пиратские флаги.

И прямоугольник, слишком похожий на книгу.

Образы наслаивались друг на друга, будто пространство на мгновение забыло, в каком порядке им положено существовать.

Было.
Есть.
Будет.

Они оказались рядом так естественно, словно всегда были именно здесь.

Словно реальность на секунду забыла предохраняться: зарделась, судорожно подобрала полы своего сокровенного одеяния, но всё же обнажила изнанку. Без цензуры. Показала свои скрытые слои без привычной оболочки.

Ещё мгновение — и всё исчезло.

Альт снова попытался представить кого-нибудь.

— Не получится.
— Почему?
— Потому что ты всё ещё ищешь глазами.
Альт машинально огляделся.
Хотя уже давно понял, что оглядываться здесь нечем.
— А чем ещё искать?
— Любопытством.
Голос ненадолго замолчал.
Словно не спешил отвечать.
— Забавно...
— Что именно?
— Обычно этот вопрос возникает значительно позже.
Альт помолчал.
— Значит, до меня здесь уже были?

— Конечно.

— И сколько?

На этот раз пауза оказалась чуть длиннее.

— Достаточно, чтобы перестать считать.

Альт усмехнулся.

— К… какие ваши доказательства?

— И правильно.

Не спеши верить.

То ли от пережитого шока, то ли просто от неловкости момента, но в голове Альта вдруг всплыли фразы из какого-то старого блокбастера.

— Особенно тому, что однажды покажется очевидным.

Раздражение подступило неожиданно.

И именно оно почему-то успокоило.

С тех пор как исчезло тело, это было первое ощущение, которое показалось по-настоящему знакомым.

Раздражение означало, что он всё ещё остаётся собой.

Даже если самого тела больше не существовало.

— Ладно.

Что это за место?

Серая пустота словно едва заметно вздохнула.

Или ему только показалось.

— Когда ребёнок спрашивает, что такое океан, ему можно показать стакан воды.

— И?

— Это будет честно.

Но недостаточно.

— То есть отвечать ты не собираешься.

— Собираюсь.

Просто первый ответ тебе всё равно не понравится.

— Почему?

— Потому что люди любят ответы только тогда, когда уже готовы их услышать.

— Опять философия.

— Нет.

Философия начнётся немного позже.

Альт неожиданно рассмеялся.

Самого смеха не было.

Но ощущение было.

И этого оказалось достаточно.

Потому что впервые с того момента, как исчез диван, он почувствовал не страх.

А вкус настоящего любопытства.

Того самого азарта, который заставляет идти дальше, даже когда разум советует остановиться.

— Хорошо.

Допустим.

Что мне теперь делать?

На этот раз голос молчал долго.

Очень долго.

Будто действительно обдумывал ответ.

Потом спокойно произнёс:

— Для начала перестань считать происходящее своей ошибкой.

Именно в этот момент Альту стало по-настоящему не по себе.

До этого момента происходящее ещё можно было как-нибудь объяснить.

Ударом головы.

Микроинсультом.

Сбоем сознания.

Чем угодно.

Даже тем, что когда-то он просто позволял себе слишком многое представить, а потом научился не придавать этому значения.

Списывать на воображение.

На случайность.

На то, что бывает, когда слишком долго чего-то хочешь.

Но теперь Голос говорил так, будто знал об этом.

И от этого становилось не по себе.

Комой, на худой конец — побочками от биохакинга.

Последние полгода Альт исправно улучшал себя достижениями человечества, запивая всё диким казахским мёдом высокогорных лугов.

Ежовик, насколько он помнил, галлюциногеном не был.

А может, именно сейчас он просто решил доказать обратное, — подумал Альт.

Зато мозг от него иногда работал заметно интереснее.

Похоже, сегодня решил не мелочиться.

Мозг включился.

Слишком хорошо.

В конце концов, человечество придумало столько диагнозов, теорий и высоконаучной чепухи, что при некоторой стимуляции объяснить можно было практически всё.

Кроме того, что происходило на самом деле.

Человек вообще удивительное существо.

Он скорее поверит в десяток невероятных версий подряд, чем согласится с одной невозможной.

Но слова Голоса спокойно перечеркнули последнюю из них.

И вместе с ней исчезла последняя надежда, что всё это когда-нибудь объяснит хороший врач.

— А если всё-таки произошла ошибка?

Альт нахмурился.

— Значит, ошибки не бывает?

— Бывает.

— Тогда почему ты так уверен?

Голос ответил не сразу.

— Ошибка живёт недолго.

Её либо замечают.

Либо исправляют.

— А если нет?

— Тогда очень скоро её начинают называть реальностью.

Альт усмехнулся.
— Удобная логика.
— Нет.
Неудобная.
Просто достаточно старая.
— Откуда ты это знаешь?
— Работа такая.

— Какая ещё работа?

Голос словно улыбнулся.

— И чем ты тут занимаешься?
Небольшая пауза.
— Слежу, чтобы порядок не рассыпался.

— Этого мира?

— Нет.

Всех.

Альт замолчал.

— В это невозможно поверить.

— Отлично.

— Почему?

— Значит, ты ещё проверяешь услышанное.

Альт снова огляделся.

Серая пустота не менялась.

Менялся только он.
— И что теперь?
— Попробуй ещё раз.
— Что именно?
— Хоть что-нибудь.
Альт вспомнил кресло.
Оно возникло сразу.
То самое. Потёртое. Удобное на вид.
Словно терпеливо ждало, когда о нём снова подумают.
Альт сел.
— Совпадение?
— Проверим.
Он провёл ладонью по подлокотнику.
Обивка на дереве оказалась тёплой.
— Понятно...
— Что именно?

Альт помолчал.
— Здесь мысль не заканчивается в голове.
— Тааак.....
— Она становится вещью.
— Уже лучше.
Альт отпустил кресло.
Ничего не изменилось.
Попытался представить, что его нет.
Кресло исчезло.
Несколько секунд Альт молчал.
— Значит...
— Продолжай.
— Здесь вещи состоят из мыслей?
— Почти.
— Тогда наоборот?
Голос выдержал короткую паузу.
— Уже ближе.
— Мысли состоят из вещей...
— Ещё.
Альт неожиданно рассмеялся.
— Да какая разница?
— Для твоего мира — почти никакой.
Для этого — вся.
Альт машинально прищурился.

Хотя глаз у него, скорее всего, по-прежнему не было.

— Это что?

— Ты.

— Я?

— Конечно.

— Неожиданно.

— Для тебя.

Альт всмотрелся.

Очертания становились яснее.

И вместе с ними появлялось странное чувство — будто он видит что-то давно знакомое.

Что-то, о чём когда-то забыл.

Но что не забыло о нём.

— Сразу успокою, — сказал Голос. — Никакого великого предназначения.

— А я уже начал надеяться.

— Зря.

— Тогда что я здесь делаю?

— Существуешь.

Альт помолчал.

— Очень даже содержательно.

— Для начала достаточно.

Очертания дрогнули.

Альт вдруг понял, что может менять их одной мыслью.

Представил себя выше.

Фигура вытянулась.

Представил ниже.

Сжалась.

— А так?

— Так тоже ты.

— А если я сейчас представлю себя табуреткой?

— Получится табуретка.

Альт замер.

— Серьёзно?

— Попробуй.

Он попробовал.

На мгновение перед ним возникла табуретка.

Самая обыкновенная.

Альт вернул себе прежний, привычный облик.

— Это уже начинает напоминать плохую игру.

— Игры обычно имеют правила.

— А здесь?

— Здесь они пока у тебя.

Альт посмотрел на собственные очертания.

Потом на серую пустоту вокруг.

— И что мне с этим делать?

— Для начала перестать пытаться понять, что с тобой случилось.

— А что тогда?

— Посмотреть, что ты можешь сделать.

Пауза.

— И постарайся не начинать с табуретки.

Альт впервые рассмеялся.

— А с чего тогда начинать?

— С хаоса.

— Так понятнее?

— Значительно.

Альт слушал и чувствовал себя человеком, который случайно включил научно-популярную передачу на середине.

Слова знакомые.

Смысл — где-то рядом, но явно не на его стороне.

Он уже собирался задать очередной вопрос, когда в сознании что-то произошло.

Мысль.

Чужая.

Альт понял это сразу.

Его собственные мысли были медленными, тяжёлыми, иногда даже вязкими. Он знал их привычки: как они возникают, куда уходят, где начинают повторяться.

Эта появилась иначе.

Резко.

Чётко.

Не успела стать мыслью — уже исчезла.

Альт попытался её удержать.

Пусто.

Только странное и обжигающе яркое ощущение, будто он на мгновение вспомнил то, чего никогда не переживал.

— Это что сейчас было?

Голос не ответил.

Вместо ответа перед Альтом возник сад.

Тихий.

Солнечный.

На тонкой ветке висел белый, волокнистый кокон.

Альт увидел его так ясно, словно мог протянуть руку.

Внутри кто-то двигался.

Бабочка билась в коконе.

Снова.

И снова.

Женщина стояла рядом и молча наблюдала, словно растворившись в затишье дня. Высокая, стройная, с длинными ногами и лёгкой, естественной осанкой. Прядь тёмных волос небрежно падала на лицо, оттеняя карие глаза и пушистые ресницы. Свободная ткань мягко облегала фигуру, открывая плечи, на которых задерживался терпкий свет уходящего солнца. Лёгкие складки едва заметно колыхались от прохладного ветерка.

Бабочка продолжала биться.

Наконец женщина не выдержала.

Достала кинжал и самым кончиком лезвия сделала маленький надрез в коконе.

— Лети, бедняжка...

Бабочка выбралась почти сразу.

И тут же камнем рухнула на землю.

Женщина опустилась рядом, плавно подхватила подол платья и бережно приняла калеку на горячую ладонь.

Тело оказалось тяжёлым.

Крылья — смятыми.

Бабочка перебирала тонкими лапками, пытаясь поднять-ся, но не могла.

Из глубины сада вышел садовник—седой, статный. Годы не согнули его:он шёл неторопливо и твёрдо, уверенно опи-раясь на деревянную трость.

Посмотрел на бабочку.

На кокон.

На кинжал.

— Я хотела помочь.

— Знаю.

Он осторожно взял бабочку с её ладони.

Та шевельнула крыльями.

Без толку.

— Она же мучилась, — сказала женщина.

— Да.

— И боролась.

— Да.

— Значит, ей было плохо.

Садовник посмотрел на неё.

— Ей было трудно.

— Разве это не одно и то же?

— Нет.

Он положил бабочку обратно на ветку.

И только тогда Альт заметил странность.

Кокон висел не на обычном дереве.

Ствол уходил вверх так далеко, что терялся где-то за пределами сада.

Корни, наоборот, исчезали в земле, которой Альт уже не видел.

Будто дерево росло сразу в обе стороны.

— Что это?

Садовник поднял глаза.

— То, что ты пока называешь деревом.

Альт посмотрел на него.

На этот раз он не стал спрашивать сразу.

Он просто смотрел.

И вдруг понял, что сад был не воспоминанием.

Не историей.

Он был смыслом.

Чужим.

Но почему-то оставленный ему.

На ветке шевельнулся кокон.

Целый.

Несмотря на разрез.

Будто ничего не произошло.

Альт снова посмотрел на бабочку.

И впервые подумал, что, возможно, самое страшное в помощи — не ошибиться.

А решить, что ты уже знаешь, где именно нужно помочь.

Женщина посмотрела на бабочку.

— Она прекрасна.

Но крылья так и не научились чувствовать ветер.

— Она должна была сама разорвать кокон, — сказал садовник.

— Но я помогла.

— Да.

— Тогда почему она не летит?

Садовник долго молчал.

— Потому что ты избавила её от того, что должно было стать её силой.

Ветер прошёл по ветвям Древа.

Бабочка дрогнула.

Раскрыла крылья.

И снова сложила их.

Альт смотрел на неё и вдруг перестал видеть бабочку.

Перед ним возникли другие лица.

Лола.

Дети.

Друзья.

Он сам.

Сколько раз он приходил на помощь раньше, чем его просили?

Сколько раз решал за другого, потому что так было быстрее?

Сколько раз называл заботой то, что на самом деле было желанием избавить человека от трудностей?

Ответ пришёл неприятно быстро.

— Помочь, — сказал Альт, скорее себе, — иногда значит сделать всё самому.

— Иногда.

Голос впервые прозвучал совсем рядом.

— А иногда?

Альт посмотрел на неподвижную бабочку.

— Не дать человеку пройти то, что должен пройти он.

— Теперь ты понимаешь.

Сад начал исчезать.

Первым исчезли деревья.

Потом тропинка.

Потом Древо.

Последней осталась бабочка.

Она ещё раз раскрыла крылья.

Ветер подхватил их.

Но поднять её не смог.

Осталась серая пустота.

Та самая реальность, которая казалась нереальной, но была единственным пространством, в котором он сейчас находился.

Рассказ о бабочке закончился. Альт снова оказался там, откуда всё началось, — в пространстве, где его ждал Голос.

Альт несколько секунд молчал.

— Это было нечестно.

— Что именно?

— Ты заранее знал, чем всё закончится.

— Конечно.

— Тогда какой это выбор?

— Самый обычный.

Альт нахмурился.

— Ты знал, что она надрежет кокон.

— Знал.

— Значит, она поступила так, как ты ожидал.

— И?

— И ты называешь это выбором?

— А ты называешь выбором только то, что способно тебя удивить?

— А если оно способно видеть себя?

— И что тогда?

— Осознавать себя.

— А если не может?

— Тогда оно всё равно может выбирать.

Голос ненадолго замолчал.

— А если оно не знает, что выбирает?

Альт задумался.

— Тогда кто делает выбор?

— Вот это уже вопрос.

Альт замолчал.

Голос продолжил:

— Я знал, что она может так поступить. Но не делал этого за неё.

— Ты создал условия.

— Разумеется.

— То есть подтолкнул её.

— Нет.

— Очень удобно.

— Альт, если человеку показать дверь, ты ещё не заставил его войти.

— Если ты знаешь, что он войдёт?

— Тогда я знаю человека. Не дверь.

Альт хотел возразить, но не сразу нашёл слов.

— А если бы она прошла мимо?

— История закончилась бы иначе.

— Значит, всё зависело от неё?

— От кого же ещё?

Повисла пауза.

Альт посмотрел на бабочку.

— Но кто выбирает?

Голос молчал.

— Душа?

Ответа не было.

— Сознание?

Тишина.

Альт нахмурился.

— Тогда кто?

Голос ответил не сразу.

— А ты уверен, что это обязательно должно иметь имя?

Альт неожиданно понял, что всё это время спорил с очевидным.

Он сам надрезал бы кокон.

Не потому, что его попросили.

Просто увидел бы живое существо, которое мучается, — и сделал бы то, что счёл правильным.

— Вот, — сказал Голос.

Альт резко поднял взгляд.

— Не начинай.

— Я ничего не сказал.

— Но подумал.

— Это ты сейчас подумал.

Альт помолчал.

— Получается, я спорю с собой?

— Наконец-то.

Это прозвучало неприятнее любой насмешки.

Серая пустота едва заметно дрогнула.

Альт не понял, что именно изменилось.

Просто впервые почувствовал: здесь есть что-то ещё.

Не Голос.

Не он сам.

Что-то третье.

— Ну? — спросил Голос.

Альт помолчал.

— Баба дура-деревяшка.

Голос рассмеялся.

— Даже так?

— А как ещё?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

— Она полезла куда не просили. Увидела бабочку, увиде-

ла кокон — и решила срочно причинить добро.

— Очень человеческое поведение.

— Вот именно.

Голос немного помолчал.

— А ты уверен?

— В чём?

— Что она виновата.

Альт удивился.

— А кто ещё? Она взяла нож. Она разрезала кокон. Она всё испортила.

— Логично.

— Вот именно.

— Тогда почему ты так быстро согласился с этой версией? — спросил Альт.

Голос замолчал.

Пауза затягивалась.

— Потому что она очевидна, — наконец отозвался он.

В голосе мелькнуло что-то почти детское. Будто тот мысленно поджал хвост и преданно заглянул Альту в глаза.

— Очевидное — хорошее оправдание, — мрачно усмехнулся Альт.

— Для чего?

— Для желания искать или для нежелания искать другое?

Голос не ответил.

В тишине послышался короткий, прерывистый вздох — почти как у пса, который уже собирался залаять, но вовремя передумал.

Альт замер.

— Погоди.

Мысль ударила сразу, выстроившись в простую, почти неприятную логическую цепочку.

Ты специально показал мне эту историю.

Он шагнул вперёд.

— Да?

— И заранее знал, что она полезет к кокону.

— Знал, — тихо ответил Голос.

Без прежней уверенности.

— Тогда ты воспользовался её слабостью.

— Каким образом?

В голосе снова появилась эта щенячья обиженная нота. Почти искреннее непонимание — как будто существо действительно не видело ничего странного в собственном поступке.

— Ты дал ей увидеть страдание и оставил нож рядом.

На этот раз Голос замолчал.

Тишина стала плотной.

Альт почувствовал неожиданное, почти злое удовлетворение.

Он поймал его.

Не на лжи.

На том, что тот сам ещё не успел для себя определить.

— Ну? — надавил Альт.

— Интересная версия.

— Не версия, — отрезал Альт. — Факт.

Голос немного помолчал.

— Хорошо.

— Допустим, я подставил её, — негромко произнёс Голос.

Альт насторожился.

В этой покорной фразе, почти виноватом скулении, вдруг почудилось что-то неправильное.

— И?

Голос выдержал паузу.

Словно терпеливо заглянул Альту прямо в глаза.

— Тогда остаётся один вопрос.

— Какой?

— Почему ты так уверен, что сам поступил бы иначе?

Удовлетворение исчезло.

Серая пустота снова стала совершенно неподвижной.

Когда Голос заговорил снова, привычной иронии в нём почти не осталось.

— Альт... что ты сейчас пытаешься сделать?

— Что?

— Снять с неё ответственность?

Альт помолчал.

— Она сама полезла.

— Да.

— Сама взяла нож.

— Да.

— Сама разрезала кокон.

— Да.

Несколько секунд ничего не происходило.

— Тогда о чём мы вообще спорим?

— Не знаю.

В голосе прозвучал тихий вздох. Почти человеческий. Почти собачий.

— Ты почему-то продолжаешь искать виноватого.

— А кто виноват? Я?

— Ты первым назвал её дурой.

— Потому что она поступила глупо.

— Возможно.

— Невозможно, — отрезал Альт. — Она всё испортила.

Голос замолчал.

И это молчание почему-то раздражало сильнее ответа.

Раздражение оказалось приятным.

Настоящим.

По крайней мере, оно принадлежало ему.

— Ты показал ей именно то, мимо чего она не смогла бы пройти.

Альт шагнул в сторону невидимого источника.

— Возможно.

— Опять это «возможно»?

— А ты хочешь, чтобы я сказал «точно»?

— Хочу.

— Зачем?

Альт открыл рот и промолчал.

Где-то внутри этого разговора что-то тихо щёлкнуло.

— Ты смотришь на то, что уже случилось, — продолжил Голос. — Поэтому тебе кажется, что иначе быть не могло.

— А разве могло?

— Могло.

— Но ты знал, что она вмешается.

— Предполагал.

— Какая разница?

— Большая.

— Какая?

Ответ последовал не сразу.

— Ты знаешь результат?

— Нет.

— Тогда тебе легко перепутать знание с причиной.

— Вот это уже полезнее, — раздражённо фыркнул Альт. — Не увиливай.

— Хорошо. Представь, что она прошла мимо.

— Не прошла бы.

— Ты опять говоришь о результате.

— Потому что мы его уже знаем.

— Именно.

Альт замолчал.

Серая пустота вокруг оставалась прежней — неподвижной, бездонной, словно здесь даже неподвижность имела собственный вес.

— Скажи честно, — наконец произнёс он. — Если бы она прошла мимо, ты бы удивился?

Голос ответил не сразу.

На короткое мгновение в нём словно промелькнула целая цепочка расчётов.

— Да.

Альт усмехнулся.

— Врёшь.

— Не вру.

— Не верю.

— Это твоё право.

И именно это его задело.

Раньше Голос спорил.
Поддевал.
Вилял хвостом.
Отвечал вопросом на вопрос.

Теперь он просто оставил Альту право не верить.

Будто даже недоверие здесь уже было предусмотрено.

— Хорошо, — сказал Альт. — Допустим. Тогда зачем всё это?

— Что именно?

— Бабочка. Женщина. Кокон. Весь этот спектакль.

Голос помолчал.

Когда заговорил снова, в его интонации мелькнуло что-то почти по-щенячьи покорное.

— Ты хотел понять, что произошло.

— Я хотел понять, почему ты решил, что я должен это увидеть.

— Разница есть.

— Какая?

— Первое касается бабочки. Второе — тебя.

Альт помолчал.

— Я должен был понять, что помощь не всегда помогает?

— Спасибо, — сухо отозвался Альт. — Это я уже понял.

— Нет.

— Опять?

— Ты понял только то, что женщина ошиблась.

Пауза.

— А ты?

Вот теперь стало неприятно.

— Что я?

— Ты всегда уверен, что знаешь, когда другому нужна помощь?

Альт хотел ответить сразу.

Не получилось.

Перед ним почему-то возникла Лола.

Потом дети.

Потом ещё несколько лиц.

Слишком быстро.
Слишком точно.

— Ты копаешься у меня в голове?

— Нет.

— Тогда откуда ты знаешь, о чём я думаю?

Пауза.

Ответ прозвучал почти ласково:

— А о чём тебе ещё сейчас думать?

Альт замолчал.

Ответ ему не понравился.

Но ещё меньше ему понравилось другое.

Всё это время он задавал вопросы о себе, о бабочке, о происходящем — и ни разу не спросил, с кем вообще разговаривает.

Он мысленно выпрямился.

Будто человек, уже почти привыкший к невозможному, вдруг вспомнил о самых простых правилах приличия.

— Ладно.

Пауза.

— Начнём сначала.

Он не стал ничего объяснять.

Просто спросил:

— Кто ты?

Пауза.

— Хороший вопрос.

— Не увиливай, — оборвал Альт. — Ответь.

Альт ждал.

Ответа не было.

— Ну?

— А что ты хочешь услышать? — наконец спросил Голос.

Альт нахмурился.

— Имя.

— Зачем?

— Чтобы понимать, с кем разговариваю.

— А если имя ничего не объяснит?

— Тогда объяснишь сам.

— Что именно?

Альт смолчал.

Он вдруг понял, что уже несколько минут пытается заставить невидимого собеседника сказать ему то, чего сам пока не мог сформулировать. Возможно, даже понять.

— Ладно. По-другому.

Альт сжал зубы.

— Почему я тебя не вижу?

— А ты пробовал?

Он автоматически попытался посмотреть на Голос.

Вокруг была только серая пустота.

Без стен.
Без пола.
Без потолка.

Просто серое «ничего», в котором почему-то можно было находиться.

— Пробовал. Ничего не вижу.

— Тогда, возможно, дело не во мне, — мягко заметил Голос.

— А в ком?

Ответа не последовало.

Альт подождал.

Потом ещё немного.

Раздражение снова поднялось внутри.

— Ты специально это делаешь?

— Что именно?

— Отвечаешь так, чтобы вопросов становилось только больше.

— А разве это плохо?

Альт хотел сказать «да».

Но не сказал.

Перед ним снова возникло кресло.

То самое.

Просто взяло и оказалось там.

Он даже не успел понять, откуда оно взялось.

— Я его не звал.

— Знаю.

Альт посмотрел на кресло.

Потом на серую пустоту.

— Это ты сделал?

Короткая пауза.

— А ты как думаешь?

Альт раздражённо выдохнул.

И только потом заметил странность.

Он действительно не знал.

Голос ответил сразу, ровно:

— Ты получишь ответы, когда придёт время.

Пауза.

А затем совершенно будничным тоном:

— Кстати, Альт... ты в туалет не хочешь?

В серой пустоте раздался тихий довольный смешок.

Альт с размаху ударил кулаком по несуществующему столу.

Кулак прошёл сквозь пустоту.

— Да ты просто строка этого кода.

— Кто обзывается, тот так и называется.

— Очень смешно, — процедил Альт.

— Согласен. Аргумент тоже впечатляет.

Альт уже собирался ответить, но вдруг остановился.

Мысль пришла настолько резко, что он даже не успел её отфильтровать.

Дикая.
Абсурдная.

— Подожди.

Голос замолчал.

— Ты бабочка?

На этот раз ответ последовал сразу.

Без усмешки.
Без щенячьей покорности.
Без игры.

— Нет.

Альт ждал.

— Я — нож.

И тут в голове что-то щёлкнуло.И покатилось.
«Принцип творения».
Название следующей лекции возникло само собой.
Альт мысленно поморщился.
Опять.
Ох, голова моя головушка...
Держись.
Когда-то.
Очень давно.
Настолько давно, что слово «когда-то» ещё не имело смысла, существовал мир белых пушистых шариков.
Они были светом.
И добром.
Хотя сами этого не знали.
Им просто не приходило в голову быть чем-то другим.
Они сближались, расходились, снова находили друг друга,

делились всем, что имели.

А имели они всё.

Каждый был частью остальных.

И остальные — частью каждого.

Никто ничего не называл своим.

Никому ничего не требовалось отдавать.

Любовь тогда тоже ещё не придумали.

Она была не чувством.

Она была устройством мира.

А потом появился свет.

Вернее, начал собираться.

Огромный.

Будущий.

Из бесчисленного множества маленьких шариков, которые тянулись друг к другу и соединялись, пока однажды не должны были стать тем, что разные миры назовут Солнцем, Источником, Богом или Началом.

Но тогда никаких имён ещё не существовало.

Свет был всем.

Альфой.

Омегой.

Родителем.

Ребёнком.

Причиной.

Следствием.

Всё было связано.

И именно поэтому ничему не требовалось объяснение.

Так продолжалось долго.

Очень долго.

Пока однажды не появился Кобальт.

Он пришёл извне.

Хотя никакого «извне» тоже ещё не существовало.

Просто однажды полнота едва заметно дрогнула.

Лишь где-то в её глубине сместилось нечто такое, чему прежде не было места.

Из этого смещения возник Кобальт.

Он был создан из скопления роя.

Он был другим.

Вместе с ним в реальность вошло нечто чужое.

Это не светилось.

Не растворялось в остальных.

И, что было гораздо хуже, умело различать.

Где заканчивается он.

И где начинаются другие.

Вместо сердца у него была пустота.

А внутри этой пустоты двигался бесконечный рой чужих мыслей.

Кобальт слышал всех.

И впервые возникло существо, для которого множество не означало единство.

Каждая мысль оставалась отдельной.

Каждый голос — своим.

А сам Кобальт существовал между ними.

Не один.

Но и не все.

И впервые в истории услышал ещё и себя.

Всё началось с детской сказки про белые пушистые шарики.

В неё никто особенно не верил.

Потом несколько умельцев из любопытства попытались взломать систему Кобальта.

Толком не понимая, куда лезут.

Ну а дальше ткань реальности просто свернула не туда.

Начисто перечеркнула первый сценарий этого мира.

И, судя по всему, последний.

Альт некоторое время молчал.

— Это сейчас было что?

— История.

— Какая-то странная.

— Других почти не бывает.

Альт помолчал.

— А «умельцы»?

Голос не ответил сразу.

— Что с ними?

— Кто они?

— Те, кому стало любопытно.

— И всё?

— Иногда этого вполне достаточно.

Альт посмотрел в темноту.

— И что с ними стало?

Голос ненадолго замолчал.

— Они получили ответ.

— Какой?

— Тот, после которого вопросов обычно становится больше.

Альт хотел спросить ещё что-то.

Но промолчал.

Голос выдержал короткую паузу и снова продолжил:

Кобальт был полной противоположностью всему, что существовало здесь.

Низкочастотный, тяжёлый разум.

Уставший путник, который слишком давно шёл сквозь вечную пустоту чужих миров и уже не помнил куда, подошёл к одному из безмятежных шариков.

Шарик тихо жил внутри собственной замкнутой гармонии, пока чужак не нарушил её простым, почти нелепым вопросом:

— Зачем тебе делиться?

Шарик ничего не ответил.

— Оставь весь свет себе.

Кобальт говорил тихо.
Почти дружелюбно.

— Накопи. Пусть другим не хватит. Тогда они поймут, насколько ты важен.

Он помолчал.

— Оставь всё себе хоть раз. И поймёшь, как это.

Шарик задумался.

И впервые не поделился.

С этого всё и началось.

Сначала один.
Потом другой.
Потом третий.

А дальше система этого хрупкого мира обнаружила своё потаённое свойство: достаточно было одному перестать отдавать свет, чтобы остальные сделали то же самое.

Так произошёл Великий Разрыв.

Истинное Солнце новой эры так и не родилось.

Потоки оборвались.

Цивилизации, ещё недавно соединённые общим движением, начали замыкаться в себе.

А то, что прежде возникало само, вдруг пришлось получать.

Это была любовь.

Её ждали.
Заслуживали.
Выпрашивали.
Боялись потерять.

Ею начали расплачиваться за то, что раньше не имело цены.

И чем меньше её становилось, тем больше всего ею пытались заменить.

Так мир научился нуждаться в том, что когда-то просто было.

А потом появился мир материи.

Мир границ.
Обладания.
Страха.
Борьбы.

И людей.

Альт долго молчал.

Потом осторожно сформулировал:

— Значит, всё зло начинается с жадности?

— Нет.

Альт поднял бровь.

Если бы у него сейчас были брови.

— А с чего?

Голос ответил не сразу.

— С мысли, что ты можешь потерять то, что тебе не принадлежит.

— Но если тебе ничего не принадлежит?

— Вот поэтому и нужен был Кобальт.

Альт задумался.

И тут же поймал себя на неприятной мысли.

Получалось слишком складно.
Даже подозрительно складно.

Не с ненависти.
Не со злобы.
Не с мести.

Всё началось куда безобиднее.

Стоило человеку однажды поверить, что чего-то может не хватить, как делиться становилось значительно труднее.

«Оставь себе».
«Тебе самому пригодится».
«А вдруг завтра не будет?»

Простая мысль.

И всё же именно она постепенно отравляла сознание.

А ведь Альт это понимал.

Он поморщился.

Вспомнилось, сколько раз он сам говорил:

«Давай потом».

Не позвонил.
Не приехал.
Не помог.
Не сказал вовремя нужных слов.

Не потому, что не хотел.

Просто всегда находилась причина поважнее.

Посрочнее.

Порациональнее.

И однажды «потом» незаметно превращалось в «никогда».

— О дивный прыжок логики…

— Что?

— Ничего. Старик Дарвин сейчас где-нибудь нервно переворачивается в своём научном спокойствии.

— Дарвин тут ни при чём, — отозвался Голос с явной насмешкой.

— Вот именно. И это меня беспокоит больше всего.

Альт помолчал.

История получалась подозрительно гладкой. Слишком уж удобно всё сходилось: шарики, свет, Кобальт, Великий Разрыв, остановившиеся потоки, материя.

Оставалось только выяснить, кто всё это придумал.

— Ты, — спокойно сказал Голос.

Альт замер.

— Очень смешно.

— Я не шутил.

— Тогда это ещё хуже.

Он попытался вспомнить, где вообще слышал эту историю раньше.

Память услужливо подбросила совсем не космогонию.

Магазин бытовой техники.

Стеллажи.
Коробки.
Колёса
Паллеты.
Пылесосы.
Клиенты.

Он почти восемь лет продавал бытовую технику.

И вот там, если подумать, тоже водились свои белые пушистые шарики.

Правда, некоторые давно перестали быть белыми.

А некоторые — пушистыми.

Коллеги каждый день обменивались словами, улыбками, жалобами, обещаниями и маленькими кусочками чужой энергии.

И главное — все прекрасно знали правило.

Если у тебя есть что-то полезное, не спеши отдавать.

Сначала выясни, что ты можешь получить взамен.

Альт медленно усмехнулся.

— Похоже, эту притчу я уже где-то слышал.

— Где?

— В магазине.

— Бытовой техники.
— Понятно.
— Нет, тебе не понятно.
— Возможно.

— Там тоже все пытались выяснить, кто кому что должен.

— И чем закончилось?

— Продажами.

Голос немного помолчал.

— Тогда человечество действительно далеко продвинулось.

— В смысле?

— Ты ведь сам только что рассказывал про магазин.

Альт фыркнул.

— А, это.

Хотя, если подумать, годы работы в магазине бытовой техники были довольно странной школой.

Там тоже продавали надежду.

Не на спасение мира, конечно.

На скидку.

На новый холодильник.

На пылесос, который «сам всё сделает».

На жизнь, в которой после покупки нужной вещи станет хоть немного легче.

И люди верили.

Иногда искренне.

Иногда просто хотели поверить.

Альт улыбался и рассказывал, почему именно сегодня им совершенно необходимо купить то, без чего они прекрасно жили ещё вчера.

— Знаешь, — сказал он, — теперь я начинаю подозревать,

что это был монастырь.

— Монастырь?

— Конечно. Восемь лет аскезы. Вместо молитв — прайс-листы. Вместо духовного роста — рост продаж.

— А монахи?

— Покупатели.

— А ты?

— Я, к сожалению, продавал им спасение.

Голос промолчал.

Альт усмехнулся.

— Правда, в основном от старого холодильника.

Он вдруг вспомнил корпоративные тренинги.

Оранжевые галстуки.

Толстовки.

И бессмертную надпись на спине:

«Если не знаешь, что спросить — подойди и спроси! С нами вы давно?»

Надпись выглядела так, словно её сочиняли люди, искренне ненавидящие продавцов.

Достаточно было заменить в последней фразе одну букву — и рабочий день приобретал совершенно иной смысл.

Покупатели читали.

Перечитывали.

Иногда показывали пальцем.

Иногда начинали смеяться прямо посреди торгового зала.

Продавцы тоже читали.

Но не смеялись.

Продавец вообще существо дисциплинированное. Где-то в тесте на профпригодность наверняка существовал отдельный пункт:

«Способность сохранять доброжелательное выражение лица при любой степени человеческого идиотизма».

Оценка специалиста: 5 баллов из 5.

Он способен восемь часов подряд объяснять человеку, почему тому необходим холодильник за сто двадцать тысяч, а потом ещё десять минут сохранять на лице выражение искренней заботы, хотя изнутри его уже разрывало от гомерического хохота и дикого желания схватить бедолагу за грудки.

Хотелось вытрясти из него обратно все аргументы про инверторный компрессор, на который было безвозвратно потрачено столько сил.

Но лицо держалось.

— А подешевле есть?

Есть.

Конечно есть.

Вон тот.

Только Альту в такие минуты хотелось не показать покупателю холодильник.

А запустить его.

Причём вместе с покупателем.

Но улыбаться требовала должностная инструкция.

Поэтому они улыбались.

— А саму притчу я услышал на тренинге продаж, — продолжил Альт, словно продолжая воспоминание. — Преподавала её одна наёмная дама-тренер с таким внушительным научным портфелем, что под его тяжестью должна была прогибаться сама подкорка мозга юного продавца, сидевшего перед ней с большими, ещё совершенно доверчивыми глазами.

Там присутствовал весь обязательный комплект для устрашения непосвящённых: то ли доцент, то ли профессор, то ли заслуженный магистр около всяческих наук. Словом, обладательница высшего чина в иерархии людей, умеющих удивительно долго объяснять, почему вода мокрая.

В нашем уютном, разваливающемся на куски хаосе наука, безусловно, имеет колоссальный железобетонный вес. Правда, вес этот специфический — примерно как у чугунного утюга, привязанного к шее тонущего.

Все эти титаны мысли увешаны регалиями, как новогодняя ёлка стеклярусом. Проделали титаническую работу: бережно каталогизировали каждую песчинку на пляже, пока сам пляж стремительно смывало цунами.

В мире, где завтрашний день зависит от того, с какой ноги встанет безумный случай, их фундаментальное знание выглядело примерно как парадный смокинг на человеке, которого затянуло в промышленный блендер.

Но статус нужно было держать.

Поэтому дама с докторской непоколебимостью учила нас

продавать кухонный хлам, опираясь на строго доказанные законы квантовой психологии и термодинамику розничных сетей.

Она рассказывала о психологии человека, механизмах поведения и прочих тонких материях, а через пять минут объясняла, как аккуратно подвести покупателя к кассе.

Потом её метафоры завернули в корпоративный глянец, добавили фирменный оранжевый галстук и новую форму.

Наука, как выяснилось, вполне способна носить спецодежду.

Альт тогда решил, что, возможно, это и есть её высшая форма прикладного применения.

Он замолчал.

Никто не ищет спасителей мира среди продавцов пылесосов.

Никому не приходит в голову, что человек с рекламной надписью на спине однажды обнаружит проход между мирами.

Покупатели видели в нём обычного продавца.

И именно поэтому он был невидим.

А настоящие тайны, если подумать, почти всегда прячутся там, где их никто не ищет.

В самом обычном человеке — который однажды просто сел на диван, принялся оттирать какое-то пятно и провалился чёрт знает куда.

— А теперь, — тихо сказал Альт, — ты подводишь меня

к самому краю.

Как героя дешёвой космооперы.

И шепчешь:

«А что, если это дверь?..»

Он помолчал.

— Но я-то знаю, чем обычно заканчиваются такие двери.

Либо квестом на выживание.

Либо внезапным осознанием, что всё это — просто предсмертный бред человека, который слишком долго продавал бытовую технику и в конце концов начал видеть мир изнутри холодильника.

Так к чему ты меня готовишь?

К ремонту?

К побегу в четвёртое измерение, где покупатели ходят зеркальными копиями друг друга, а начальник Семёныч всё так же стоит у входа — с затёртыми наколками на пальцах, проступающими под кожей синими разводами, похожими на старые чернила.

Продавцы знали: это одна из конечных стадий профессии.

Следующая — уйти.

Или просто проверяешь, сколько ещё веса выдержит моя голова?

Он помолчал.

— Скажи прямо.

Пауза.

— Мы ведь здесь не для твоего развлечения?

Голос не ответил.

Альт всмотрелся в пустоту.

— Тогда чем мы вообще занимаемся?

Тишина.

И вдруг он нахмурился.

— Хотя...

Мысль пришла неожиданно.

Не готовым ответом.

Скорее ощущением, что несколько разрозненных деталей вдруг начали сходиться.

— Кажется, я начинаю понимать.

Ты зачем-то вытаскиваешь мои воспоминания.

И строишь из них какое-то обучение.

Понятное тебе.

Но не мне.

На серой стене медленно появились слова.

— Нет.

Альт ждал продолжения.

— Я ничего не вытаскиваю.

— Тогда что?

— Ты сам разбрасываешь воспоминания.

— А ты?

— Подбираю.

Альт представил это.

Сам себя — стоящего где-то в серой пустоте и рассыпающего по полу кусочки собственной жизни.

— Как крошки?

— Примерно.

Альт усмехнулся.

— Хлебные крошки.

— Да.

— Чтобы потом найти дорогу обратно?

Голос ненадолго замолчал.

— Обычно именно для этого их и оставляют.

И тут Альт вспомнил.

Сказку.

Ту самую, где мальчик шёл через лес и бросал за собой крошки, чтобы не потерять дорогу домой.

Правда, сказка быстро выясняла одну неприятную вещь.

Птицы, похоже, тоже читали эту книгу и научились разбираться в чужих маршрутах.

Они съедают крошки.

И дорога исчезает.

Альт перестал улыбаться.

— И что потом?

— Смотрю, что из них можно собрать.

— А если чего-то не хватает?

— Тогда приходится искать.

— Где?

— Там, где ты это оставил.

Альт посмотрел в серую пустоту.

Под ногами ничего не было.

Но почему-то ему вдруг показалось, что если присмотреться, можно увидеть отдельные крошки.

Вот здесь — детский смех.

Чуть дальше — чьё-то одобрительное «молодец».

Ещё дальше — слово, которое он когда-то хотел сказать и так и не сказал.

А возле самой темноты лежало что-то совсем маленькое.

Почти незаметное.

Но Альт почему-то сразу понял, что это.

— А если крошки уже съели?

Голос тихо хмыкнул.

— Тогда становится интереснее.

— Почему?

— Потому что приходится выяснять, кто именно.

Альт медленно поднял голову.

— И ты знаешь?

— Я знаю гораздо больше, чем тебе хотелось бы.

Пауза затянулась.

Альт молча ждал.

— Но пока не всё, что тебе хотелось бы узнать, верно? — тихо спросил Голос.

Альт помолчал.

— И что ты собрал?

— Пока?

— Да.

— Не знаю.

Альт даже растерялся.

— В смысле?

— Ты спрашиваешь, что я понял о тебе.

— Именно.

На несколько секунд повисла тишина.

Альт не ожидал такого ответа. По пальцам пробежала едва заметная искра, но он тут же сжал кулаки.

— Я ещё не решил.

Альт невольно усмехнулся.

Вот это уже было похоже на правду.

Всю жизнь он делал примерно то же самое.

Собирал чужие слова, интонации, паузы, взгляды, случайные фразы. Потом складывал всё вместе и получал человека.

Иногда угадывал.

Чаще — нет.

Но другого способа не придумал.

Собрать крошки.

А потом решить, каким был пирог.

«Отлично, — подумал Альт. — Значит, теперь я сам себе материал для практических занятий».

Белые пушистые шарики отправились в мысленную папку с пометкой: «Временно принято».

А следом из памяти поднялся магазин.

Не витрины.

Не пылесосы.

Люди.

Ему было чуть больше тридцати, когда он впервые понял, что устал быть частью этой машины.

Не настолько, чтобы сразу уйти.

Наверное, поэтому и устал.

Он слишком долго умел делать вид, что всё нормально.

Улыбаться, когда хотелось послать.

Говорить «конечно», когда внутри звучало «никогда».

Оставаться, когда давно пора было уйти.

А потом всё-таки ушёл.

И почти сразу начал забывать, каким был тогда.

Альт задумался.

— Интересно...

— Что?

— Что из всего этого я действительно вынес?

Голос молчал.

— Умение улыбаться, когда хочется сорваться? Говорить «да», когда внутри давно звучит «нет»?

Он помолчал.

— Или всё-таки вовремя уходить?

Ответа не было.

Альт подумал, что эти вопросы он задаёт не Голосу.

— Ну что, — снова прозвучал Голос. — Как ты себя чувствуешь теперь, когда видение исчезло?

Последние обрывки ещё держались где-то на краю сознания.

Шарики.

Кобальт.

Женщина с ножом.

Кокон.

Всё это уже исчезало, но почему-то не отпускало.

— Знаешь... — сказал Альт. — Такое чувство, будто между двумя радиостанциями застрял.

— Сильное сравнение.

— А что делать? Я столько лет бытовую технику продавал. У меня вся психика теперь в аналогиях.

Он помолчал.

— Вроде бы всё выключено, а какой-то идиотский гул всё равно остаётся.

— Это и есть твоё состояние?

— Похоже.

Альт попытался разобраться в себе.

Растерянность — была.

Облегчение — тоже.

Страх, если уж совсем честно, никуда не делся.

А вот кнопки «Назад» почему-то не обнаружилось.

Хотя в магазине она всегда находилась.

Покупатель мог вернуть телевизор.

Поменять холодильник.

Отказаться от заказа.

Попросить другую модель.

Человеческую жизнь почему-то никто не снабдил такой удобной функцией.

— Забавно, — сказал Альт.

— Что именно?

— В магазине я каждый день помогал людям выбирать вещи, которые должны были сделать их жизнь удобнее.

Телевизор.

Холодильник.

Стиральную машину.

А теперь сам оказался неизвестно где — без тела, без инструкции и даже без кнопки «Отмена».

Голос ничего не ответил.

Альт продолжил уже скорее для себя:

— Хотя люди там были интереснее техники.

Молодожёны, получившие первые после свадьбы деньги и не знающие, что купить раньше — телевизор или холодильник. Именно возле этих витрин нередко начинались первые семейные сражения.

Бабушки, требовавшие выдать им кнопку вызова прези-

дента, потому что телевизор не показывал все каналы.

Сначала это кажется смешным.

Потом — почему-то совсем не смешно.

Потому что за этой кнопкой было не желание поговорить с президентом.

Там жила старая, почти детская вера в то, что где-то обязательно есть человек, которому достаточно рассказать о твоей беде — и он разберётся.

Починит телевизор.

Исправит то, что несправно.

Вернёт то, что должно работать.

Просто потому, что так устроен мир.

И, может быть, самое трогательное здесь даже не то, что они просили.

А то, что спустя столько прожитых лет они всё ещё верили: если очень понадобится, можно дотянуться до кого-то наверху.

И он ответит.

Потому что человек вообще удивительно долго сохраняет надежду, что где-то существует тот, кто знает, что делать.

А по эту сторону границы всё равно остаётся самое простое.

И самое трудное.

Просто человек.

Последняя категория, кстати, была самой сложной.

Альт на секунду замолчал.

— Знаешь, что самое смешное? Никто ведь никогда не замечал во мне ничего особенного.

Он усмехнулся.

— Продавец пылесосов — идеальная маскировка. Кому придёт в голову искать среди них человека, который однажды обнаружит проход между мирами?

Голос ответил не сразу.

— Именно поэтому ты и запомнил это время.

Альт перестал улыбаться.

— Ты ведь сам сказал: восемь лет аскезы.

Альт задумался.

И вот тут ему стало не по себе.

Раньше магазин был просто куском биографии.

Теперь воспоминание выглядело иначе.

Словно кто-то перебирал его прошлое не ради ностальгии.

Ради чего-то ещё.

— Подожди.

Он медленно собрал мысли.

— Ты связываешь то, что я вспоминаю, с тем, что здесь происходит?

— Иногда.

Альт помолчал.

— Тогда что именно ты ищешь в моих воспоминаниях?

Голос промолчал.

Альт раздражённо усмехнулся.

— Только не говори, что это «правильный вопрос».

— Не скажу.

— Прогресс.

Он помолчал.

— Ты меня чему-то учишь?

Пауза.

— Возможно.

— Чему?

— Пока ты слишком хорошо знаешь ответы, чтобы я мог тебе их дать.

Альт нахмурился.

— Тогда что это?

— Настройка.

— Чего?

Голос едва заметно изменился.

Или Альту просто показалось.

— Тебя.

Альт посмотрел в серую пустоту.

И впервые подумал о вещи куда неприятнее.

Возможно, Голос не показывал ему этот мир.

Возможно, он показывал Альту самого Альта.

— Прекрасно, — сказал он. — Я годами продавал людям пылесосы, а теперь выясняется, что всё это была подготовка к четвёртому измерению.

— Не совсем.

Альт помолчал.

Странно.

Всё происходящее почему-то цеплялось за его прошлое. Не за события, которые он считал важными, а за то, о чём давно перестал думать.

И теперь эти воспоминания снова всплывали одно за другим.

Шарики.

Кобальт.

Женщина с ножом.

Бабочка.

Притча.

Альт прислушался к себе.

Обычно на вопрос о чувствах находились слова.

Сейчас — нет.

— Ну что, — снова прозвучал Голос. — Как ты себя чувствуешь теперь, когда видение исчезло?

Альт помолчал.

— Такое ощущение, будто мой внутренний радиоприёмник поймал все станции сразу. Шум есть. А что именно передают — непонятно.

— Очень точное описание.

— Я старался.

Он почти усмехнулся.

Где-то внутри всё ещё оставалось ощущение, что назад дороги нет.

Удивительно, но именно это сейчас беспокоило его меньше всего. За годы работы Альт научился замечать вещи, которые поначалу казались случайными. И теперь его внимание занимало совсем другое — те самые детали, которые никак не желали складываться в привычную картину.

Он пропустил через себя тысячи покупателей и постепенно начал видеть странные, но почему-то устойчивые закономерности.

Одну из них он позже встретил почти в готовом виде — в социальных сетях:

«Красивые люди чаще делают комплименты.

Состоятельные — поддерживают.

Спортсмены — мотивируют.

А те, кто сами ничего не добились, почему-то особенно любят унижать других».

Мысль была грубоватой.

Слишком общей.

Но жизнь имела неприятную привычку раз за разом подбрасывать ей подтверждения.

Впрочем, магазин учил не только этому.

За это время Альт выучил целый набор правил. Они не

были записаны в инструкциях — просто раз за разом подтверждались жизнью, пока не стали почти такой же надёжной вещью, как гарантийный талон.

О технике он усвоил простое:

«Чем сложнее механизм, тем проще он ломается».

О людях:

«Они покупают не пылесос.

Они покупают надежду, что наконец кто-то другой будет убираться вместо них».

О женщинах далеко идущих выводов он старался не делать.

Но одно наблюдение всё-таки накопилось:

«Если она уже пять минут внимательно слушает про мощность всасывания, ты либо гений продаж...

либо просто ей нравишься.

Либо ей скучно.

Обычно — третье.

Хотя по её взгляду второе иногда казалось вполне вероятным. Но это было не точно: она и сама до конца в этом не была уверена».

О гарантии:

«Гарантия почему-то всегда заканчивается ровно за день до того, как техника решает сломаться.

Это не статистика.

Это — космическая механика».

О продаже он тоже успел кое-что понять:

«Продать можно всё.

Даже воздух.

Особенно воздух.

Главное — назвать его эксклюзивным фильтром для тонкой очистки пространства».

О цене:

«Великая иллюзия, в которой все делают вид, что цифры на ценнике действительно что-то значат».

О бизнесе:

«Особая разновидность колдовства, где правила пишутся на ходу, а победителем становится тот, кто сумел удержаться между „гениально“ и „нас всех посадят“.

Цифры рисуют на песке.

Ветер называют маркетингом.

А когда всё исчезает, делают вид, будто именно так и было задумано».

И ещё одно правило — уже не о торговле:

О поиске истины:

«Если ты чего-то не нашёл — это ещё не значит, что этого нет.

И уж точно не значит, что нужно останавливаться и не искать дальше».

А обо всём остальном Альт сформулировал ещё проще:

«Мир держится на трёх вещах.

На глупости.

На жадности.

И на вере, что завтра обязательно будет лучше».

Альт невольно улыбнулся.

Вообще-то к этому списку можно было добавить ещё один закон.

О диванах.

Мир тоже держится на диванах.

Потому что именно на них люди оказываются, когда мир перестаёт держаться.

На них пьют кофе.

Плачут.

Смотрят бессмысленные сериалы.

Ждут.

Чаще всего сами не понимая чего.

Но диваны понимают.

Диваны помнят.

Каждую каплю.

Каждую бессонную ночь.

Каждую попытку начать сначала.

Каждое решение, принятое после долгого взгляда в потолок.

Именно тогда начал понимать, что происходит.

Сначала всё это действительно напоминало странный

курс лекций.

Красиво оформленный.

Щедро обсаженный притчами, метафорами и психологическими упражнениями космического масштаба.

ШаЙЕрики.

Кобальты. Бабочки. Кокон.

Образы появлялись один за другим, будто кто-то раскладывал перед ним пасьянс, смысл которого он пока не понимал.

А потом заметил престранное.

Ему ничего не объясняли.

Его заставляли смотреть иначе.

Не убеждали.

И не учили.

Просто понемногу меняли угол зрения.

Будто внутри его сознания кто-то осторожно поворачивал объектив.

На долю градуса.

Потом ещё.

Почти незаметно.

Но прежняя картина мира уже начинала выглядеть иначе.

И вот это оказалось гораздо неприятнее любых шариков, Кобальта и женщин с ножами.

Альт впервые почувствовал настоящий страх.

Не страх смерти.

Даже не страх неизвестности.

Страх масштаба.

Тот особый ужас, который возникает, когда человек вдруг понимает: реальность гораздо больше, чем он привык считать.

Гораздо больше.

И, возможно, гораздо древнее.

Гораздо правдивее.

Серая пустота вокруг вдруг показалась ему другой.

Будто в ней стало больше пространства.

Или внимания.

Альт не понял, что именно изменилось.

Только почувствовал:

за разговором кто-то следит.

Не вмешивается.

Не приближается.

Просто знает, что они здесь.

Он оглянулся.

Ничего.

Наверное, показалось.

Но ощущение почему-то осталось.

В какой-то момент Альту показалось, что никакой пустоты здесь вообще нет.

За бесцветной серостью скрывалось нечто настолько огромное, что человеческий разум просто не находил для него подходящего образа.

Как муравей не способен представить океан.

Как рыба — небо.

Как человек — собственное отсутствие.

Мысль вспыхнула и исчезла.

Но холод остался.

— Теперь ты пройдёшь всё, — сказал Голос.

Без насмешки.

Без привычной игры.

И именно поэтому эти слова прозвучали тяжелее прежних.

— Потому что до сих пор была только разминка.

Альт промолчал.

— Ты думал, что всё это были иллюзии.

Пауза.

— Нет.

Они реальны.

Кобальт.Белые шарики. Даже та бабочка..

Это не сказки и не декорации.

Скорее вещи, для которых у человека пока просто нет правильных слов.

Альт вспомнил школьный кабинет физики.

Формулы на доске.

Тяготение.

Электричество.

Радиоволны.

Всё это существовало задолго до того, как человек научился давать происходящему названия.

Возможно, здесь было то же самое.

Только вместо электричества — страх.

Вместо гравитации — воля.

Вместо атомов — мысли.

— Те звери, которых ты встретишь, не имеют ни когтей, ни клыков, — продолжил Голос.

— Тогда почему ты называешь их зверями?

— Потому что человек быстрее всего понимает то, чего боится.

Тишина вернулась.

Но теперь Альт уже не мог назвать её пустотой.

В ней было присутствие.

И почему-то слово «звери» больше не казалось ему подходящим.

Где-то далеко, за пределами всего, что он мог представить, словно медленно шевелилось что-то древнее.

Нечто, никогда не бывшее человеком.

Нечто, для чего человеческая жизнь могла оказаться всего лишь короткой вспышкой.

Альт ещё не знал, как и когда это произойдёт. Но странное чувство подсказывало ему: рано или поздно он окажется там. Не потому, что сам выбрал этот путь. Скорее, потому, что всё происходящее уже вело его в ту сторону.

Без инструкции и карты.

И, судя по всему, без права отказаться.

Мысль пришла спокойно.

Слишком спокойно.

Будто решение уже было принято.

Альт не понял только одного.

Кем.

Тишина снова изменилась.

Альт долго смотрел в серую пустоту.

— Совсем маленькое?

— Настоящее «я» редко бывает большим.

— Почему?

— Потому что всё остальное очень любит занимать место.

Альт усмехнулся.

— И что же там находится?

Голос немного помолчал.

— То, что ты сам туда приносишь.

— Очень содержательно.

— Я стараюсь.

Альт уже хотел съязвить, но остановился.

— Подожди. Если всё это правда, тогда что такое эти... мысли?

— Пока — только мысли. Они возникают, исчезают, сменяют друг друга. Но иногда ты начинаешь им верить.

— И что меняется?

— Мысль становится убеждением. Ты уже не просто допускаешь, что что-то возможно, а начинаешь воспринимать это как правду.

— А дальше?

— Появляется образ. Ты придаёшь своей мысли форму, начинаешь видеть её, узнавать, связывать с чем-то знакомым.

— И что стоит за образом?

— Не всегда то, что ты в нём видишь.

Альт нахмурился.

— Тогда что?

— Иногда твоя собственная память. Иногда страх или ожидание. Ты можешь увидеть нечто и принять его за то, чем оно на самом деле не является.

— А иногда?

— Иногда за образом действительно стоит нечто, чего ты пока не способен распознать.

— И как отличить одно от другого?

— Вот это тебе и предстоит выяснить.

Он замолчал.

Теперь в словах Голоса впервые появилась какая-то странная последовательность.

До сих пор Альту казалось, что ему просто показывают истории.

Примеры.

Метафоры.

Способ объяснить то, чего невозможно объяснить обычными словами.

Но если Голос не врал...

Может быть, всё было наоборот.

Не мифы объясняли устройство мира.

Мифы были тем, как человек вообще мог увидеть его устройство.

Он вспомнил школьные сказки.

Богов.

Героев.

Чудовищ.

Превращения.

Всю эту древнюю человеческую привычку приписывать форму тому, чего нельзя потрогать руками.

Люди могли ошибаться в именах.

Могли путать богов.

Придумывать им родословные.

Менять сказания от народа к народу.

Но если за всеми этими историями действительно стояло что-то настоящее...

тогда мифология была вовсе не выдумкой.

Это была инструкция, написанная человечеством на языке, который оно само не до конца понимало.

— Значит, боги существуют? — спросил Альт.

— Не спеши.

— Почему?

— Потому что слово «боги» тебе сейчас только помешает.

— А какое не помешает?

— Пока никакое.

Альт невольно улыбнулся.

— Удобно.

— Зато честно.

Пауза.

— Но кое-что ты уже можешь понять.

— Что?

— Форма имеет значение.

Альт замолчал.

— В каком смысле?

— В прямом.

Мысль может стать образом.

Образ — существом.

Существо — ролью.

А роль, если прожить её достаточно долго, начинает менять того, кто её играет.

Альт почувствовал неприятный холод.

— То есть можно стать тем, что ты изображаешь?

— Иногда.

— А если изображать достаточно долго?

— Тогда вопрос уже не в том, кем ты притворяешься.

Альт не ответил.

Потому что внезапно понял: Голос говорит не о ком-то другом.

— А если человек вообще не знает, какую роль играет?

— Тогда он обычно уверен, что живёт собственной жизнью.

И это, пожалуй, самое удобное состояние.

Альт медленно поднял взгляд.

Серая пустота оставалась серой.

Но теперь ему казалось, что где-то за ней уже проступает контур чего-то другого.

Не человека.

Не зверя.

Не существа.

Скорее — формы.

Она была ещё слишком далёкой, чтобы понять её очертания.

Но почему-то Альт уже знал:

когда-нибудь ему придётся войти в неё.

И тогда выяснится самое неприятное.

Он не станет кем-то новым.

Он впервые увидит, кем был всё это время.

Мысль мелькнула почти незаметно.

— Ты не охотник, — сказал Голос.

Альт усмехнулся.

— И кем же мне тогда быть?

— Антителом.

— Великолепно.

Всю жизнь мечтал стать иммунной системой.

— Ты смеёшься.

— Конечно.

— Это помогает тебе не бояться.

Альт уже собирался ответить что-нибудь колкое.

Но не успел.

Голос вдруг изменился.

Стал глубже.

Тише.

В нём появилось что-то такое, чего Альт прежде не замечал. Будто привычный собеседник на мгновение отступил в сторону, уступая место чему-то другому.

И Альту показалось, что говорит уже не он.

Будто сама пустота наконец решила воспользоваться его голосом.

— Мы хотим помочь вам.

Альт замер.

— Вам?

Он не сразу понял, что именно его насторожило. Не само обещание помощи, а это неожиданное «мы». До сих пор Голос говорил с ним от своего имени. Теперь же за одним голосом словно обнаружилось нечто ещё. Нечто, чьё присутствие нельзя было ни увидеть, ни определить.

— Не только тебе, — продолжил Голос. — Всем, кто оказался заперт внутри собственных конструкций.

Тем, кто однажды принял созданный порядок за единственно возможный.

Тем, кто забыл, кем был до того, как научился бояться.

Тем, кто так долго жил внутри собственных ограничений, что перестал замечать их границы.

Альт молчал.

— Вы хотите всё изменить? — наконец спросил он.

— Не всё можно изменить одним движением.

— Но вы собираетесь попробовать?

Голос немного помолчал.

— Есть вещи, которые больше нельзя оставлять такими, какие они есть.

Альт хотел спросить, кто именно скрывается за этим

«мы», сколько их и откуда они знают о происходящем. Но почему-то не стал торопиться.

Он впервые почувствовал, что разговаривает не просто с Голосом.

За ним стояло нечто, о чём он пока ничего не знал.

— Но освобождение невозможно подарить, — сказал Голос. — Ему нельзя научить или навязать. До него можно только дойти самому.

Пауза.

— Поэтому путь почти всегда оказывается длиннее, чем кажется.

Альт вспомнил первую притчу.

На этот раз Голос ничего не объяснял. И именно это было страннее всего.

Связь он увидел сам.

Бабочка не могла получить крылья в подарок. Женщина не могла пройти путь за неё.

Нельзя перескочить через то, что должно произойти с тобой самому.

Теперь Альт понял, зачем та история появилась первой.

Не как урок.

Как предупреждение.

Впервые происходящее начало складываться.

Странно. Пугающе. Почти безумно.

Но складывалось.

А значит, где-то впереди действительно существовал

смысл.

Он пока не видел его. Только чувствовал — как что-то огромное, находящееся там, куда он ещё не умел смотреть.

Древнее.

Терпеливое.

Существовавшее задолго до первого человека, однажды спросившего:

«Кто я?»

И, возможно, всё это время ждавшее ответа.

— Запомни, — произнёс Голос. — Я всегда буду рядом.

Пауза.

— Это не значит, что я сделаю твою жизнь проще.

Серая пустота словно прислушалась.

— Ты не увидишь меня. Не услышишь. Не почувствуешь.

Голос звучал спокойно, без насмешки и иронии.

— Я просто буду рядом.

Пауза.

— Не думай, будто всё окажется так просто, — продолжил Голос. — В какой-то момент ты обнаружишь, что привычные объяснения больше не работают, что дорога, по которой ты шёл, перестала быть дорогой, а то, что ещё недавно казалось очевидным, вдруг потребует от тебя совсем другого ответа.

Альт молчал.

— Наступит момент, когда тебе захочется остановиться. Возможно, даже повернуть назад. Это вполне естественно. Человек вообще изобретателен, когда ищет убедительную

причину ничего не менять. Особенно если его об этом никто не просил.

Наступила пауза. Голос больше не торопился. Похоже, теперь ему было важно не столько продолжить разговор, сколько дать Альту время самому дойти до сути.

— Но есть одна особенность, — произнёс он наконец. — Иногда возвращение оказывается лишь другой формой движения вперёд. И ты не всегда сразу понимаешь, в какую сторону идёшь на самом деле.

Альт поднял глаза.

— И что, по-твоему, мне теперь делать?

— Пока ничего.

Наконец-то последовал внятный ответ.

— Просто не принимай привычное желание отступить за окончательное решение.

Альт хотел что-то сказать, но промолчал.

— Дальше ты сам всё поймёшь, когда придёт время.

Альт посмотрел в серую пустоту.

И вдруг понял.

Всё это время он ждал, что кто-нибудь скажет ему, что делать.

Голос — не скажет.

Видения — не скажут.

Прошлое — тоже.

Ответ придётся найти самому.

Альт сделал вдох.

— Да.

Серая пустота дрогнула.

И именно в этот момент всё произошло.

Серая пустота исчезла.

Без предупреждения.

Без обратного отсчёта.

Без торжественного объявления начала испытания.

Мир исчез.

Вселенная словно потеряла терпение.

И, не дожидаясь ответа, просто вытолкнула его в бесконечность.

Альт ещё слышал последние слова Голоса,

когда пространство внезапно разлетелось вокруг него.

В голову ударило давление.

Он успел подумать лишь одно:

«Эй...

а глаза у меня от ваших перепадов настроения не лопнут?..»

А потом...

всё началось снова.

Знакомое ощущение движения.

Не вперёд.

Не назад.

Вбок.

Но на этот раз что-то было иначе.

Он словно проскользнул сквозь одну реальность, затем другую, не успевая ни задержаться, ни разглядеть их до конца.

Сквозь собственные реальности.

Которые, похоже, никто и не собирался чинить.

Странный был полёт. Альт словно выпадал из одной версии самого себя и оказывался в другой, не успевая понять, где заканчивается одна и начинается следующая.

Молочная пелена космоса проносилась мимо.

Звёзды вытягивались в длинные световые нити.

И каждая на одно короткое мгновение становилась похожей на чью-то непрожитую жизнь.

На чьё-то решение.

На судьбу, которая могла случиться иначе.

Где-то далеко эхом ещё звучал его собственный голос.

Но почти сразу распался на отдельные звуки.

Будто словам больше не позволяли существовать здесь.

Пространство вокруг оказалось соткано из серебристых нитей.

Они расходились во все стороны.

Переплетались.

Исчезали.

Возникали снова.

Некоторые казались знакомыми.

На одних висели воспоминания.

На других — несделанные выборы.

На третьих — вопросы, которые он годами откладывал на потом.

Теперь они висели прямо перед ним.

Почти осязаемые.

Почти живые.

И от этого становилось не по себе.

Мысли, которые он когда-то не решился додумать до конца, теперь существовали отдельно от него.

Страхи обрели цвет.

Сожаления — форму.

Чувства, которым он годами не позволял родиться, вспыхивали фиолетовыми протуберанцами и исчезали где-то в глубине этого странного пространства.

Альт попытался закричать.

Скорее от неожиданности, чем от страха.

«Меня вышвырнули», — понял он.

Не просто выбросили.

Словно разобрали на части.

Проверили содержимое.

И отменили право на возврат.

Теперь он летел туда, где заканчивались привычные объяснения.

Туда, где оставалось только движение.

Пустота.

И он сам.

«Падение тоже может быть дорогой», — неожиданно по-

думал Альт.

Даже если не выбирал направление.

Даже если не знаешь, где окажешься в конце.

Главное — вместе с тобой падает всё остальное.

Страхи.

Вопросы.

Надежды.

Он всё ещё существовал.

И пока этого было достаточно.

А потом его будто кто-то схватил за шиворот.

И с силой швырнул вниз.

На этот раз вполне целенаправленно.

Приземление оказалось жёстким.

Передние лапы врезались в землю.

Следом ударили задние.

Трава пригнулась.

Комья влажной почвы разлетелись в стороны.

Ещё в полёте что-то резануло вдоль позвоночника.

За спиной с сухим хрустом вздулся панцирь.

Пошёл трещинами.

И лопнул.

Будто раскололась огромная фарфоровая маска.

Из разлома первой вырвалась львиная лапа.

Но вместо когтей её венчала тяжёлая рачья клешня.

— Ого... — попытался сказать Альт.

Получилось рычание.

Тело стремительно менялось.
Спина вытянулась.
Распрямилась.
Вдоль позвоночника легли панцирные пластины.
Хвост покрылся гривой из острых хитиновых игл.
Глаза вспыхнули жёлтым светом.
И в этом свете оставалось что-то холодное.
Глубинное.
Совсем нечеловеческое.
Маленький Рако-Лев встряхнулся.
Осколки старого панциря дождём посыпались в траву.

Рык прозвучал так, словно где-то под водой медленно сдвинулись каменные плиты.

Он прокатился между стволами, спустился в низину и затих среди камней и сухого мха.

В лесу наступила тишина.

Даже ветер перестал переходить с дерева на дерево.
Тишина была странной.
Полной.
Почти демонстративной.
Такой, словно всё вокруг вдруг решило замереть и посмотреть, что будет дальше.

Где-то на ветке начала было петь птица.

Альт заметил её не сразу.

Дрозд выглядел вполне обычно. Если не считать странного серо-синего блеска оперения и глаз — слишком больших, глубоких и внимательных. В них было что-то почти неприлично разумное. Птица смотрела на Альта с таким выражением, будто уже успела составить о нём предварительное заключение, но пока не решила, стоит ли оглашать результаты.

Альт хотел что-то сказать.

Вместо слов из горла вырвались два коротких звука.

Он замер.

Получилось нечто среднее между рыком небольшого хищника и звоном разбитой вазы.

Дрозд тоже замер.

Потом медленно повернул голову и посмотрел на Альта ещё внимательнее.

В его глазах, как показалось Альту, отразилось неподдельное изумление. Даже не страх. Скорее, искреннее недоумение существа, которое впервые столкнулось с чем-то настолько необычным, что привычных способов оценки явно не хватало.

«Ну да, — подумал Альт. — Прилетел. Познакомился. Уже произвёл впечатление».

Птица чуть приоткрыла клюв, но так и не издала ни звука.

Затем взмахнула крыльями и исчезла между деревьями.

Альт проводил её взглядом.

Из глубины леса донёсся ответ.

Не птичий.

Не совсем звериный.

Что-то короткое, резкое и явно встревоженное.

После этого снова стало тихо.

Настолько тихо, что Альт невольно прислушался к самому себе.

Но даже собственное дыхание теперь казалось здесь чем-то посторонним.

Он огляделся.

Лес стоял неподвижно.

До Альта наконец дошло. Не мир вокруг сошёл с привычных координат — это он сам оказался там, где его совершенно не ждали. Судя по всему, местная система гостеприимства пока не предусматривала появления таких, как он.

А ведь всё могло быть гораздо проще. Тёплая комната, мягкая постель, чашка горячего чая и кот. Обязательно кот — спокойный, упитанный, с умным видом существа, давно разобравшегося в устройстве мира и теперь не желающего вмешиваться. Никаких лесов, подозрительных птичьих физиономий и звуков, которые человеческое горло, по всем правилам, производить не должно.

Альт даже позволил себе немного задержаться в этой картине. Получалось неплохо. Почти убедительно. Правда, чем дольше он представлял уютную комнату, тем отчётливее чувствовал: даже воображение здесь работает с перебоями.

Уют не складывался. В нём было что-то чужое, будто кто-то старательно воспроизвёл домашнюю обстановку по чужому описанию, но забыл, для чего она вообще нужна.

Он огляделся.

Лес молчал. Не просто затих — словно разом отменил все звуки, оставив Альта наедине с собственным присутствием. Деревья стояли неподвижно, кусты не шевелились. Даже мелкая живность, ещё недавно занятая своими незаметными делами, куда-то исчезла или, по крайней мере, решила не обнаруживать себя.

Создавалось впечатление, что лес уже заметил незваного гостя и теперь осторожно решал, что с ним делать.

Альту оставалось надеяться, что решение не будет коллективным.

Рако-Лев осторожно двинулся вперёд.

«Ну да. Рак и лев. Почему бы и нет? Природа, похоже, сегодня работает без церемоний.

Получился впечатляющий царь зверей в комплектации «полный фарш»: клешни вместо штатных лап, эксклюзивный кастомный обвес от местной природы. Гарантия не предусмотрена».

Альт невольно задержал дыхание. Существо выглядело слишком внушительно для глупых вопросов. Но один всё-таки возник: что делать дальше?

Гордость требовала идти напролом. Инстинкт самосохранения настойчиво рекомендовал оставаться на месте. Отсту-

пать тоже было нельзя — направление безопасного отхода просчитать не удавалось.

И тут возник ещё один вопрос: откуда у этой твари рога?

«Хотя… какие рога? У тебя даже рогов нет. Вот досада-то».

Львиная половина требовала идти вперёд и брать от жизни всё. Рачья напоминала, что назад как-то безопаснее.

В результате получился царственный шаг боком — прямо в сторону кустов.

Альт смотрел на него и думал, что ещё немного — и сам начнёт одновременно рычать и пятиться.

Со стороны это уже слишком напоминало бы кризис самоидентификации.

А потом Альта мгновенно накрыл плотный туман.

Он будто материализовался из чужих мыслей, заполнил сознание и на мгновение лишил его способности связно воспринимать происходящее.

Вокруг темнели вековые деревья, а под ногами шуршало что-то, чего Альт предпочёл не рассматривать.

Он попытался разобраться в собственных ощущениях. Сознание словно оказалось заперто в теле Рако-Льва, а происходящее никак не желало укладываться в привычную картину мира.

Рак.

Лев.

Хищник с клешнями.

И всё это, похоже, теперь имело к нему самое непосредственное отношение.

Почему именно он?

Рако-Лев замер, так и не определившись, что в этой ситуации важнее: сохранить царственное достоинство или всё-таки довериться инстинктам.

Гарантия на сохранение рассудка закончилась, судя по всему, ещё вчера.

А служба поддержки этого сказочного пространства, похоже, вообще не предусмотрена.

Рако-Лев сделал шаг.

Потом ещё один.

Земля ощущалась непривычно чётко. Каждая травинка отзывалась в лапах отдельным ощущением.

Он попытался посмотреть на себя.

Получилось.

Львиное тело.

Хитиновый панцирь.

Тяжёлая клешня.

Иглы вдоль хвоста.

— Ну конечно...

Он осторожно шевельнул клешнёй.

Та щёлкнула сама собой.

Громко.

Альт замер.

— Ну замечательно. Ещё и это.

Именно этот звук окончательно убедил лес, что происходящее ему не нравится.

Древний лес многое повидал за свою жизнь.

Но Рако-Лев оказался тем редким случаем, когда даже деревья предпочли сделать вид, что ничего не заметили.

Где-то в глубине чащи хрустнула ветка.

Потом ещё одна.

Будто кто-то там очень тихо отступал.

Кто-то ответил.

Совсем рядом.

Маленький Рако-Лев настороженно поднял голову.

Лес тоже замер.

Словно присматривался к нему.

Поляна выглядела совершенно обычной. Ровная трава, редкие кусты, деревья по краям. Но чем дольше Альт смотрел на неё, тем сильнее казалось, что с ней что-то не так.

Огромный дуб возвышался посреди неё так, будто рос здесь ещё до появления времени.

И, судя по всему, прекрасно помнил, как именно оно появилось.

Воздух был густым.

Почти вязким.

Казалось, каждое движение оставляет в нём след.

И каждую мысль здесь кто-то слышит.

Именно тогда рядом кто-то неловко кашлянул.

Альт обернулся.

Перед ним высилась неведомая сущность. В очертаниях его головы угадывалось нечто похожее на лицо, хотя назвать его так Альт пока не решался. Черты словно отражались в кривом зеркале: знакомые по отдельности, но совершенно невозможные вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.